中外文学交流史·中国·俄苏卷

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ КИТАЯ и РОССИИ

Ли Мин-бинь Чжа Сяо-янь

Шанс
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ли Мин-бинь

История литературных связей Китая и России

Международная издательская компания «Шанс»

УДК 82.091
ББК 83.3

Мин-бинь Л.

История литературных связей Китая и России / Л. Мин-бинь — Международная издательская компания «Шанс»,

ISBN 978-5-907277-50-2

Ли Мин-бинь и Чжа Сяо-янь – известные китайские ученые, специалисты по русской литературе и китайско-русскому сравнительному литературоведению. В 2015 году они представили совместную книгу, посвященную истории литературных связей между Китаем и Россией. Эта книга стала частью масштабного проекта, призванного полноценно изучить и описать культурные взаимоотношения Китая и разных стран и регионов мира. «История литературных связей Китая и России» – это крупная работа, охватывающая почти четыре столетия тесных отношений между двумя странами: от первых дипломатических контактов и изучения языков до литературных переводов и взаимных научных исследований. Издание включает обширный справочный аппарат и предназначено для синологов, литературоведов и всех, кто интересуется историей культурных взаимоотношений между Китаем и Россией. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82.091
ББК 83.3

ISBN 978-5-907277-50-2

© Мин-бинь Л.
© Международная издательская компания «Шанс»

Содержание

Общее предисловие 6
Введение 21
1 раздел. Литературные связи Китая и России в XVIII–XIX веках 39
Глава 1. Первые появления китайской литературы в России 39
1. «Китайское поветрие» и рождение российского китаеведения 39
2. Православная миссия в Китае 40
3. Н. Я. Бичурин – основатель российского китаеведения 41
Глава 2. Пути распространения китайской классической литературы в России 43
1. Китайские литературные произведения в переводах с западноевропейских языков 43
2. Китайские литературные произведения в прямом переводе с китайского и маньчжурского языков 44
3. Распространение информации о китайской литературе 45
Глава 3. Книги эпохи Цин, списки которых попали в Россию 49
1. Редкий список «Ши тоу цзи» 49
2. Где хранилась и как была найдена рукопись романа «Гу ван янь» 53
Глава 4. История китайской литературы, составленная В. П. Васильевым 57
1. В. П. Васильев 57
2. «Очерк истории китайской литературы» 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Ли Мин-бинь, Чжа Сяо-янь
История литературных связей Китая и России

© ООО «Международная издательская компания «Шанс», перевод, 2024
© ООО «Шаньдунское издательство «Просвещение», 2024

ООО «Шаньдунское издательство «Просвещение» предоставляет исключительное право на издание и распространение данного произведения на русском языке во всем мире ООО «Международная издательская компания «Шанс». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателя.

Общее предисловие

1

Изучение литературных связей Китая с зарубежными странами – самая плодотворная область в научной традиции китайского сравнительного литературоведения. Многие новаторские достижения ученых старшего поколения сосредоточены именно здесь. Это исследования специалиста по английской литературе Фань Цун-чжуна (1903–1987), писателя и литературоведа Цянь Чжун-шу (1910–1998) и переводчика и специалиста по среднеанглийской литературе Фан Чжуна (1902–1991) в части китайско-английских литературных отношений; поэта и одного из основателей китайского сравнительного литературоведения У Ми (1894–1978) – в китайско-американских связях; поэта и специалиста по французской литературе Лян Цзун-дая (1903–1983) – в китайско-французских; драматурга и переводчика Чэнь Цюаня (1903–1969) – в китайско-немецких; известного полиглота и ученого Цзи Сянь-линя (1911–2009) – в китайско-индийских; переводчика и специалиста по советской литературе Гэ Бао-цюаня (1913–2000) – в китайско-русских литературных связях, и т. д.

Сравнительное литературоведение в Китае дважды в XX веке достигало высшей точки развития. Главные научные достижения относятся к первой половине столетия и находятся как раз в поле исследований литературных взаимосвязей Китая с зарубежными странами. Новый толчок китайское сравнительное литературоведение получило во второй половине XX века. Более тридцати лет поддерживалось его поступательное развитие, поэтому данная область исследований устойчиво держит первенство по самому большому количеству научных достижений. Выдающиеся результаты, полученные при изучении литературных отношений Китая с зарубежными странами, историки науки рассматривают как настоящее «воплощение особенностей и успехов “китайского сравнительного литературоведения”» [1], которое стало важной вехой на пути его развития[2].

Научная традиция рождается из постоянных усилий многих ученых и из множества непрерывно накапливаемых результатов. Начиная с 1980-х годов в области исследований литературных связей Китая с зарубежными странами появились новые книжные серии, послужившие реперными точками ее развития.

В первую очередь это серия по сравнительному литературоведению под редакцией профессора Юэ Дай-юнь (р. 1931), где вышли следующие книги: «Чжун Жи гудай вэньсюэ цзяолю шигао» («Черновая история китайско-японских литературных связей в древности») Янь Шао-дана (р. 1940), «Цзиньдай Чжун Жи вэньсюэ цзяолю шигао» («Черновая история китайско-японских литературных связей Нового времени») Ван Сяо-пина (р. 1947) и «Чжун Инь вэньсюэ гуаньси юаньлю» («Истоки китайско-индийских литературных отношений») под редакцией Юй Лун-юя (р. 1946). Профессор Юэ Дай-юнь, а также другие авторы, имеющие отношение к этой серии, выступают здесь одновременно как преемниками, так и новаторами: следуя за учеными старшего поколения, они поднимают новые проблемы и предлагают новые научные подходы.

---

[1] *Ван Сян-юань*. Цяньянь (Предисловие) // *Ван Сян-юань*. Чжунго бицзяо вэньсюэ яньцзю эр ши нянь (Двадцать лет исследований по сравнительному литературоведению в Китае). Наньчан: Цзянси цзяоюй чубаньшэ, 2003.

[2] В монографии профессора Ван Сян-юаня (р. 1962) «Чжунго бицзяо вэньсюэ яньцзю эр ши нянь» одиннадцать глав из 28 посвящены изучению межлитературных связей: главы со второй по десятую рассказывают о литературных связях Китая с иными странами, семнадцатая глава раскрывает течения в литературе и искусстве Китая и зарубежных стран и литературные связи, восемнадцатая глава презентует общие исследования истории литературных связей Китая и зарубежных стран. – *Примеч. авт.*

Во вторую очередь это книжная серия «Чжунго вэньсюэ цзай говай» («Китайская литература за рубежом»), созданная совместными усилиями Пекинского и Нанкинского университетов в начале 1990-х годов. Главными редакторами серии выступили Юэ Дай-юнь и Цянь Линь-сэнь (р. 1955). Опубликованные в ней книги расширили поле научных проблем и привнесли немало нового в область теории и методологии.

Наконец, по прошествии двадцати лет накопления опыта, в начале нового века одна за другой вышли три крупные книжные серии по сравнительному литературоведению: «Вайго цзоцзя юй Чжунго вэньхуа» («Зарубежные писатели и китайская культура») под редакцией Цянь Линь-сэня, «Куа вэньхуа гоутун гэань яньцзю» («Исследования по кросс-культурным взаимодействиям») под редакцией Юэ Дай-юнь и книжная серия о связях литератур и культур с межгосударственными различиями «Жэньвэнь Жибэнь синьшу» («Новые книги о цивилизации Японии») под редакцией Ван Сяо-пина. Данные труды детализировали и расширили исследовательское поле, дав импульс поискам обновленной научной парадигмы и новых исследовательских методов.

Изучение литературных взаимосвязей Китая с зарубежными странами стимулирует и исследования в области сравнительного литературоведения в целом – от дискуссии «Причины глобализации китайской литературы XX века» до теоретических построений о «генетике литературы» в изучении литературных взаимосвязей Китая и зарубежных стран; от попыток внедрения философского дискурса в изучение литературных взаимосвязей Китая и зарубежных стран, возрождения диалога китайских и зарубежных культур и литератур в кросс-культурном пересечении до обобщения системы образов сравнительного литературоведения и критики постколониальной культуры. Появление всех этих исследований не только ведет к усиленному развитию китайского сравнительного литературоведения как научной дисциплины, но также открывает новую проблематику в теории и методологии изучения литературных взаимосвязей.

2

Как при наличии столь богатой исследовательской базы развивать изучение литературных связей Китая и зарубежных стран? Этот вопрос в истории научного знания занял весьма важное место. В начале июля 2005 года Институт сравнительного литературоведения и сравнительного культуроведения Нанкинского университета и издательство «Шаньдун цзяоюй чубаньшэ» провели первое заседание редакционной коллегии книжной серии «Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши» («История литературных связей Китая и зарубежных стран») и одноименную научную конференцию. Тем самым они официально анонсировали начало работ, призванных комплексно охватить историю литературных связей Китая с Европой, Азией, Америкой и другими регионами и странами мира.

Изучение истории литературных связей Китая с зарубежными странами – работа исследовательская, но одновременно это процесс переосмысления самого исследования, а также вопрос собственного научного самоосмысления. Ведь ученые в своих изысканиях должны иметь четкое представление о постановке проблемы и ясное понимание, что именно, как и для чего исследуется.

В конце XX века международные исследования по сравнительному литературоведению столкнулись с насущной необходимостью изменений: значимость появления и трансформации различных исследовательских парадигм влекла за собой смену контекстов проблематики. Сравнительное литературоведение, сформировавшееся как научная дисциплина в эпоху создания западной системы национальных государств, стало, по сути, продуктом идеологии этих государств. На исследовательскую работу существенно повлияли вопросы определения «родоначальника» литературного процесса; того, как конкретная литературная традиция воздействует на другие литературы; какие уроки народы черпают из зарубежной литературы и какие

опыт и технику заимствуют. Процветавшие в эпоху холодной войны параллельные исследования концентрировали внимание на внутренней составляющей различных литературных традиций, их эстетическом и общем значении, оставляя в стороне внешнюю составляющую литературных связей в контексте исторических взаимоотношений. «У пришедшей на смену новой модели не было общепринятого названия, но она имела очевидную связь с так называемой постколониальной критикой, поэтому можно считать постколониальную критику третьей моделью компаративных исследований. Эта модель опирается на такие постструктуралистские понятия, как “дискурс” и “власть”, и сосредоточена на подведении итогов капиталистической экспансии империализма, особенно на проблемах культурной экспансии. Используемое в этой критике слово “пост-” имеет значение одновременно как “анти-”, так и “после чего-либо”. <…> Постколониальная критика исходит из предпосылки, что формально эпоха империализма/колониализма ушла в историю. После Второй мировой войны такая точка зрения стала общепринятой, тогда наиболее суровым обвинением в самых разных политических лагерях сделалось обвинение в империализме. Эта же точка зрения выступила предпосылкой стратегически выгодной позиции постколониальной критики»[3].

С расцветом во второй половине 1970-х годов постколониальной критики культуры внимание западных ученых, которые занимались сравнительным литературоведением, в значительной степени оказалось сосредоточено на социальной направленности текстов – в ущерб былому интересу к их литературной составляющей. Такие проблемы, как вопрос перевода, эмансипация, экология, малые этносы, половые различия, кинематограф и новые медиа, политика идентичности, субкультуры, «компаративные исследования при новой империи», почти полностью обновили структуру сравнительного литературоведения[4]. К примеру, видная исследовательница культурного переводоведения С. Басснетт (р. 1945) в монографии “Comparative Literature: A Critical Introduction” недвусмысленно отметила: «“Термин ‘постколониальная’<…> наиболее точно характеризует новую кросс-культурную критику, которая выкристаллизовалась за последние годы, и более всего подходит для обсуждения, в чем она состоит”. Что это, как не сравнительное литературоведение под другим названием?»[5]

В начале нынешнего века теоретические построения в области сравнительного литературоведения продолжили развиваться под преимущественным воздействием западоцентрических настроений. Прославленная североамериканская и европейская научная звезда Г. Ч. Спивак (р. 1942) опубликовала серию лекций, прочитанных ею в 2000 году в Калифорнийском университете в Ирвайне, которым предпослала шокирующее название “Death of a Discipline” (и дисциплина эта – сравнительное литературоведение!). Однако Спивак вовсе не спешила объявить о конце компаративных исследований, она лишь хотела обозначить тупик, в который зашло сравнительное литературоведение в Европе и Америке, – ту разбалансированную ситуацию, когда в данной дисциплине по-прежнему доминируют западные воззрения. Она выразила опасения о невозможности выделить общий гуманистический аспект, который бы содействовал трансформации сравнительного литературоведения и созданию его новой парадигмы,

---

[3] *Чэнь Янь-гу*. Бицзяо вэньсюэ юй «Синь диго вэньмин» (Сравнительное литературоведение и новоимпериалистическая культура) // Чжунго шэхуэй кэсюэюань юаньбао (Вестник Китайской Академии общественных наук). 2004. 24 фев.

[4] Чэнь Янь-гу отмечает: «Сейчас у нас, возможно, есть причины предложить четвертую модель компаративных исследований, и это “компаративные исследования при новой империи”. <…> И если “империя” ушла, а теперь возвращается, эффективность постколониальной критики больше не является очевидной. Именно сегодня происходит возвращение империи, и компаративные исследования в этих условиях должны заново определить свои задачи и направление». См.: *Чэнь Янь-гу*. Бицзяо вэньсюэ юй «Синь диго вэньмин». – *Примеч. авт.*

[5] *Bassnett S.* Comparative Literature: A Critical Introduction. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1993. P. 10. (Следует отметить, что в приведенной цитате С. Басснетт принадлежит лишь последнее предложение; остальное является цитатой из более раннего сочинения: *Ashcroft B.*, *Griffiths G.*, *Tiffin H.* The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures. L.; N. Y.: Routledge, 1989. P. 2. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания И. А. Алимова.*)

учитывающей исследования по культуре и отвечающей культурным вызовам в контексте глобализации[6].

Между тем мы должны отчетливо понимать, что критика постколониальной культуры пытается исказить систему ценностей исследований по сравнительному литературоведению, хотя ни в чем не превзошла его теоретических построений. Пусть внимание сравнительных изысканий сосредоточено на связях между литературами разных национальностей и разных стран, однако теоретическая предпосылка исследователей состоит в том, что эти литературы есть субъекты, отделенные друг от друга барьером языка, образующие самоорганизованные системы. Помимо прочего, исследования по сравнительному литературоведению всегда берут за основу литературу конкретной нации и конкретной страны. В перспективе сравнительных исследований это означает, что литературные связи суть связи конкретной литературы с литературами других стран. Тогда исследование таких связей демонстрирует взаимозаимствования и взаимообогащение, в то время как критика постколониальной культуры заостряет внимание на калькировании и антагонизме, и признанию иного и инаковости здесь до сих пор нет места.

Другими словами, исследования литературных связей Китая с зарубежными странами все еще идут в традиционном ключе, хотя уже пришло время определения новых проблем и подходов. В эпоху перехода от третьей к четвертой модели компаративных исследований мы пока ориентируемся на первую модель, подобную той, которую Басснетт назвала «доисторическим динозавром»[7], что требует мужества и решительности. Вслед за установлением в конце XX века тесного сотрудничества и общения с различными международными научными сообществами идея трансграничности проникла из североамериканского сравнительного литературоведения и в Китай. Хотя в наши дни китайское сравнительное литературоведение адаптировало теоретические методы критики культуры, вышло за прежние рамки обособленной дисциплины и открыло много весьма перспективных областей научного знания, тем не менее за эти годы оно так и не достигло существенного подъема. С одной стороны, границы области исследований все время расширяются и становятся все более прозрачными, а с другой – столь же непрерывно появляются предвестия кризиса, и исследователи покидают соответствующую дисциплину. В подобных обстоятельствах ученые, что пишут для данной книжной серии, – верные идее бойцы, продолжающие свои изыскания не из слепого консерватизма, но потому, что в этой области не все еще сделано. Основываясь на богатой научной традиции, созданной учеными старшего поколения, они с полной самоотдачей погрузились в работу над китайским сравнительным литературоведением, что в сложившейся обстановке уже само по себе достаточно значимый научный поступок. В весьма плодотворной области исследований по сравнительному литературоведению проблема взаимоотношений между литературой Китая и литературами зарубежных стран всегда оставалась основной и важнейшей; она постоянно была в центре внимания и все время потенцировала углубленные исследования, которые приносили новейшие научные достижения. Такие достижения демонстрирует данная книжная серия: ее результаты не только базируются на надежной основе, расширяя область проблематики в изучении истории взаимоотношений китайской литературы и литератур зарубежных стран, но и продвигают сравнительное литературоведение вперед (на методологическом и теоретическом уровнях) путем научной интеграции и активной адаптации достижений в других областях науки. Наконец, в ключевой исторический момент, когда Китай превратился в мировую экономическую державу, проблема переосмысления его литературных связей с зарубежными странами оказалась напрямую связана с научными исследованиями в области самих этих связей. Речь идет о том, как реинтегрировать китайскую литературу в мировой литературный ландшафт, а также о том, как современная китайская литература воссоздает собственную

[6] *Spivak G. Ch.* Death of a Discipline. N. Y.: Columbia University Press, 2003. 136 p.

[7] *Bassnett S.* Comparative Literature. P. 5.

идентичность и определяет свое место в мире. Благодаря подобным исследованиям мы получаем возможность восстановить и заново определить духовную привлекательность китайской культуры и литературы, их миссию и признание. Учитывая общность проблем современного мира, использование литературы как носителя культурных ценностей создает возможность и пространство не только для диалога между различными культурами, но также и для активного участия в формировании нового глобального мировоззрения.

3

Если говорить об исследованиях литературных связей между Китаем и зарубежными странами как о научной дисциплине, то основные ее атрибуты – эмпирические. С точки зрения традиционной внутренней классификации, с учетом исследовательской парадигмы, она изучает взаимовлияние и оперирует материалом и фактами. Общая история связей китайской литературы и литературы зарубежных стран должна строиться вокруг полноценного и законченного материала, с тем чтобы дать совокупное описание изменений, развития и эволюции двусторонних связей в истории их отношений, предоставляя современному читателю ценный исторический опыт заимствований в национальных литературах и исторические закономерности их развития. И потому нужно иметь в распоряжении реальные мировоззренческие материалы, что называется, из первых рук, а также стремиться к целостности и подлинности таких материалов.

Развитие, углубление и обновление литературных связей между Китаем и зарубежными странами неотделимы от совершенствования теоретических методов исследования и изучения их действующей парадигмы. Некоторые новые идеи и теоретические выкладки могут оказаться полезны при переосмыслении и выявлении новых исторических материалов применительно к литературным отношениям, а новые концепции и их интерпретация могут изменить или прояснить историческую картину литературных связей Китая с зарубежными странами, что выведет изучение этих связей на новый уровень.

В XX веке, когда возникло и начало расцветать китайское сравнительное литературоведение, ученые старшего поколения, такие как Цзи Сянь-линь и Цянь Чжун-шу, специально подчеркивали важность и необходимость упорядочивания исследований литературных связей Китая с зарубежными странами, полагая это спецификой китайского сравнительного литературоведения, способного высоко поднять авторитет данной дисциплины[8]. В течение последних тридцати лет китайские ученые трудились в этом направлении не покладая рук, внимательно изучая исследовательские подходы и методы. В возглавляемой профессором Цянь Линь-сэнем книжной серии «Вайго цзоцзя юй Чжунго вэньхуа» («Зарубежные писатели и китайская культура») при исследовании связей литератур Китая и других стран были успешно опробованы и применены на практике подходы и методы философского осмысления и межкультурного литературного диалога, при этом были реализованы следующие основные идеи:

[8] В начале 1980-х годов Цянь Чжун-шу отмечал: «Необходимо развивать наши собственные исследования по сравнительному литературоведению, и здесь одной из важнейших задач является упорядочивание взаимосвязей литературы китайской и литературы зарубежной». В статье «Цзыляо гунцзо ши инсян яньцзю дэ цзичу» («Работа с материалами – основа, влияющая на исследование») Цзи Сянь-линь подчеркивал: «Мы должны проделать кропотливую работу, и начать надо с непосредственного влияния на исследования; трудолюбиво и тщательно собирать материалы, искать свидетельства непосредственного влияния западных стран друг на друга и восточных стран друг на друга, и особенно – взаимовлияния Востока и Запада; начать с простонародной литературы и дойти до отдельных произведений писателей и ученых; собрать материалы без остатка и не останавливаться на достигнутом, чтобы все обязательно было обосновано и не приводило к погоне за химерами». Ученый явным образом выступал против тех, «у кого нет ни оснований, ни материалов, и тогда они во всем полагаются на “талант” и “вдохновение”, используя которые, пишут и без зазрения совести обманывают, городя нелепицы <…>, – именно это подобные самообманщики, вводящие в заблуждение других людей, и зовут параллельно развивающимися исследованиями». – *Примеч. авт.*

1. Проблема литературных и культурных связей Китая с зарубежными странами, будучи частью общечеловеческого культурного взаимообмена, является проблемой обмена философскими воззрениями и ценностями между Китаем и зарубежным миром, при этом речь идет о формальном духовном взаимном обмене. Изучение культурного и литературного взаимовлияния Китая и зарубежных стран в итоге становится делом изучения идеологического и философского взаимопроникновения и взаимовлияния, которые следует детально рассматривать с философской точки зрения.

2. При исследовании этих двусторонних связей необходимо исходить из оригинальных источников. Следует не только изучать, как зарубежные писатели и литература воздействовали на китайскую культуру и духовность, но сосредоточить усилия на анализе того, что, в свою очередь, зарубежные писатели и литература позаимствовали у Китая; исследовать, какая в результате творческого процесса за рубежом сложилась литературная картина; рассматривать, как иностранные произведения, появившиеся в результате оформления новой литературной картины, оказали обратное влияние на китайскую культуру.

3. В настоящее время создание истории литературных связей между Китаем и зарубежными странами уже не является, как раньше, частным вопросом истории литературы – это реконструкция в области кросс-культурного сравнительного литературоведения в эпоху мультикультурного сосуществования и инфильтрации восточной и западной философии. Собственно сравнение не является конечной целью – в процессе сравнения возникает диалог, в результате которого появляются взаимоузнавание, взаимоидентификация и взаимодополнение, в чем и должен состоять методологический смысл исследований литературных связей Китая и зарубежных стран.

4. Задача исследований в области литературных и культурных связей Китая с зарубежными странами должна решаться посредством диалога, в котором необходимо руководствоваться принципом равноправия. Что касается ученых, то для них диалог не ограничивается обсуждением методологии конкретных исследований. Исследователь – это еще и твердая исследовательская позиция, мировоззрение, научное кредо. Диалог ученого ведется с предметом исследований – в пространстве и времени культуры, но это также и синхронный диалог с потенциальным читателем, когда посредством многоуровневого и многомерного конкретного исследования и обоюдных наблюдений и обмена мнениями оживает самый дух культуры, что увеличивает ценность результатов научного труда.

5. Значение диалога как методологической основы заключается в том, что он выходит за рамки двух прежних моделей – «исследование влияния» и «параллельное исследование». Для всех специалистов, которые сосредоточили усилия на изучении литературных связей Китая с зарубежными странами, диалог означает научный поиск, сулящий множество новых идей и требующий полной самоотдачи.

С точки зрения истории науки изучение одной и той же темы – процесс, для которого характерны постоянное углубление в тему исследования и непрерывный поиск истины. Исследования взаимосвязей литературы Китая и зарубежных стран имеют в китайском сравнительном литературоведении многолетнюю историю и богатую научную традицию. Книжная серия «Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши» («История литературных связей Китая и зарубежных стран») – яркое достижение, которое опирается на предшествующие исследования и преследует цель продвинуться к теоретическим выводам более высокого уровня. Главный редактор Цянь Линьсэнь на заседании редколлегии в 2005 году так сформулировал основную идею этого проекта:

> Книжная серия опирается на макровзгляд на мировую литературу и культуру. Она освещает процесс многопланового взаимного обмена между китайской и зарубежной литературой и культурой, происходящий в обстановке кросс-культурного диалога, глобализации и развития культурной

диверсификации, процесс столкновения и слияния духовной составляющей литературы Китая и зарубежных стран по следующим проблемам:

1. Как зарубежные писатели принимают китайскую литературу, какой импульс китайская литература дает зарубежным писателям, как на них влияет? Особо затрагиваются вопросы восприятия и оценки китайской литературы зарубежными писателями, образ Китая, который рисуется в их глазах, ошибки в прочтении и в переводе, распространение китайской литературы за рубежом и степень ее влияния, китайский материал в творчестве иностранных писателей, колорит иной страны и пр.

2. Соответственно, мы проводим двунаправленные исследования по вопросу, как китайские писатели принимают зарубежную литературу и как реорганизуется их творчество, когда они воспринимают иностранное влияние.

3. Выявленные в разном культурном контексте синхронные ответы китайских и зарубежных писателей о связанных с ними идеологических суждениях, а также иные их наблюдения возможно соединить с китайскими и зарубежными работами, применяя анализ, взаимопознание, взаимоидентификацию и взаимодополнение, тем самым глубоко проникнув в характерные особенности как китайской, так и зарубежной литературы.

4. Обозревая то, как распространялись и входили в контекст китайской культуры (особенно в XX веке) произведения зарубежных писателей, мы предпринимаем попытку обрисовать образ зарубежных стран, который сложился в глазах китайских читателей (в том числе критиков); анализируя то, как китайские читатели перенимают опыт зарубежной литературы, мы пытаемся уяснить, в какой степени и на каком уровне наша собственная культура ограничивает этот процесс, с тем чтобы понять, как трансформируется и реформируется иностранная литература в парадигме китайской культуры.

5. Как учит нас история, ключевой вопрос – знания: основываясь на богатых исторических материалах, мы ставим важные вопросы, отражающие сущность и закономерности литературных связей; подбирая соответствующие этим вопросам исторические материалы, конструируем интерпретирующую основу для изучения истории литературных связей с разными странами и на других языках.

6. Усилия по работе над книжной серией должны быть направлены на отражение плодов исследований международного сравнительного литературоведения за последние полвека и результативных успехов китайского сравнительного литературоведения за последние двадцать и более лет.

4

Дело изучения литературных связей Китая с зарубежными странами требует от нас осмысления и развития уже имеющихся научных результатов. Данная идея пронизывает весь процесс создания этой книжной серии – от замысла до конкретных исследований, а позднее и написания книг. В основе упомянутых исследований лежат три вещи: базовые понятия, исторические источники и парадигма исследований.

Начнем с **базовых понятий**.

«Литературные связи Китая с зарубежными странами» – здесь значение соответствует названию: изучаются связи, и ключевой вопрос тут – космополитизм и современность китайской литературы. С учетом этого так называемое историческое описание литературных связей Китая с зарубежными странами должно развертываться на трех уровнях:

1. Связи Китая с литературой разных стран, регионов и на разных языках в историческом разрезе: перевод произведений и знакомство с их идейной составляющей, писательская «воображаемая библиотека» чтения и творчества, а также взаимные визиты как отдельных лиц, так и творческих делегаций.

2. Процесс творческого взаимовлияния, например: восприятие китайской литературой зарубежных произведений, в результате чего в процессе обмена формировалась база для самопостроения и самоутверждения китайской литературы; вклад китайской литературы в зарубежную литературу и литературную индивидуальность; участие китайской литературы в литературном процессе разных стран, регионов и на разных языках.

3. Существующая общая структура литературы разных стран, регионов и на разных языках, выдвижение концепции «кросс-литературного пространства», с тем чтобы мировая литература основывалась на данной концепции связей, а не на гегемонии литературы какой-либо одной страны, региона или языка.

Еще одно понятие в исследованиях литературных связей Китая с зарубежными странами, которое требует пояснения, – это «китайская и зарубежная литература».

1. Такие исследования подразумевают необходимость изучения не только самих связей, но и каждой в отдельности истории литературы различных стран, регионов и на разных языках. Например, при изучении влияния французской литературы на современную китайскую решение следует искать в современной китайской литературе, и наоборот.

2. Несмотря на то что в литературных связях Китая с другими странами акцент ставится на двустороннем взаимодействии в рамках противопоставления «китайское – зарубежное», от собственно китайской позиции отказываться решительно не следует. Формально исследования литературы Китая и зарубежных стран двусторонни и нейтральны, но, по существу, китайская позиция в них неоспорима – вплоть до того, что Китай можно назвать центром внимания этих исследований! – и поэтому краеугольным камнем и целью данных исследований прежде всего является китайская литература.

3. Теоретическая установка исследований литературных связей Китая с зарубежными странами состоит, с точки зрения Китая, в проблеме глобализации и в уяснении современности китайской литературы, что подключает два смысловых уровня: а) как в ходе истории Китай способствовал созданию зарубежной литературы; б) как зарубежная литература проводила экспансию глобализации и определяла современность китайской литературы.

«История» – последнее из базовых понятий, которое мы здесь затронем. История литературных связей Китая с зарубежными странами категориально относится к истории литературы, сохраняя единство с определенным временем, его опытом и значением. Хронологические записи, которые фиксируют исключительно события, происходившие в области литературных сношений (такие, к примеру, как планы литературных путешествий или литературные приходно-расходные ведомости), еще не могут считаться историей литературных связей. В данной области наиболее важны следующие требования к «истории»:

1. История литературных связей должна базироваться на научной концепции, оперирующей временными величинами, и использовать данную концепцию в качестве стандарта; иметь принцип отбора, который позволит определить исходную точку, основные проблемы, базовые законы и исходно заданные направления литературных связей в их истории, а также их ценность.

2. Такой научной концепцией здесь может стать «космополитизм и современный характер китайской литературы»: когда и как китайская литература влилась в мировой литератур-

ный процесс, как была воспринята и как на него повлияла; когда и как фактор космополитизма воздействовал на китайскую литературу.

3. История литературных связей Китая с зарубежными странами понимается как процесс, в котором под влиянием глобализма китайская литература приобретает современный характер. Глобализация китайской литературы состоит из двух этапов: азиатизация внутри культурного ареала, пользующегося иероглифической письменностью, и собственно глобализация, начавшаяся в современную эпоху, при этом глобализация китайской литературы и ее модернизация проявились одновременно.

Следующими рассмотрим **исторические источники**.

Исторические источники являются базой для исследования. Успех или провал в значительной мере зависят от их богатства и степени достоверности. Исторические источники накапливаются в результате многолетних трудов, богатство источников – требование количественного плана. Качественное требование к историческим источникам состоит в том, что, во-первых, они должны проходить проверку на аутентичность и, во-вторых, максимально возможное количество информации должно поступать из первых рук. Само собой разумеется, что чем богаче исторические источники, тем лучше для исследований, однако обнаружение источников – процесс бесконечный, поэтому их богатство и полнота данных зачастую носят относительный характер. Ключевой момент: нужно убедиться, что источники подходят для наших исследований; отсюда следует, что метод научной работы с историческими источниками состоит не только в их сборе, но и в правильном подборе, а также анализе на предмет соответствия концепции конкретного исследования.

Работать без исторических источников нельзя, но и одного только их наличия недостаточно. Изучение истории литературных связей Китая с зарубежными странами ведется долгое время, однако очень многие исследователи ограничиваются сбором исторических источников и их пересказом. Мы должны вывести данную книжную серию на более высокий научный уровень, не ограничивая себя узкими рамками сбора, сопоставления и пересказа исторических источников. Исследование и написание соответствующих работ следует разделить на три стадии. Первая стадия состоит в том, чтобы определить источники исторических материалов, получить как можно больше таких материалов из первых рук, упорядочить полученные материалы, проанализировать их и проинтерпретировать, после чего выявить базовые вопросы, достойные изучения. Вторая предполагает перераспределение материалов в хронологическом порядке, без логического начала и завершения: самый ранний найденный источник выступит точкой отсчета, но та будет временной, ведь процесс обнаружения новых материалов непрерывен; аналогичным образом будут временными и реперные точки исследования, то есть рукопись исследования будет завершена там и так, где и как это возможно для науки сегодня. Третья стадия имеет целью создание идеологической структуры истории литературных связей: на основе исследования исторических источников формируются различные специализированные концепции истории литературных связей, и эти концепции становятся связующими рамками для ее изложе ния.

Последней рассмотрим такую важную проблему в изучении литературных связей Китая с зарубежными странами, как **парадигма исследований**. Путь научных инноваций – не что иное, как открытие новых исторических источников, возникновение новых идей и новых парадигм исследований. Парадигма исследования формируется на основе базовых понятий и уверенности в источниках. Исследователь приходит туда, где возникает проблема. Модель исследования предполагает определение базовых понятий, сбор и интерпретацию исторических источников, выбор методов исследования. В любом исследовании в первую очередь следует ясно понять его модель, а в конечном итоге – четко определить, что и как мы изучаем. Базовые научные понятия определяют область нашего исследования. Так, начав с проблемы историче-

ских источников, мы уже находимся в процессе обдумывания, как именно будем в дальнейшем проводить исследование.

Исследователям литературных связей Китая с зарубежными странами – набирающей зрелость области научного знания – необходимо уяснить принципы написания научных работ и занять позицию в изложении истории, прежде всего – четко определить, что конкретно мы изучаем. Литературные связи Китая с зарубежными странами можно понимать как в узком, так и в широком смысле. Изучение связей в узком смысле подразумевает исключительно исследование межлитературных связей, то есть обмена созданными произведениями и идеологическими течениями в области литературы, и в значительной мере относится к категории формальных исследований, к примеру: англо-американский имажизм и китайская классическая поэзия, «Лэйюй» («Гроза») Цао Юя (1910–1996) и «Царь Эдип» Софокла (ок. 495–406 гг. до н. э.). История литературных связей в широком смысле подразумевает более объемное социально-культурное содержание; ее проблематика выходит далеко за рамки литературы, хотя она и имеет дело с литературными текстами. В качестве примера можно привести книгу «Цимэн цзоцзя дэ Чжунго вэньхуа гуань» («Воззрения писателей-просветителей на китайскую культуру») – ее исследовательская область, несомненно, относится к литературным связям Китая и зарубежных стран (в широком смысле), однако среди изучаемого также присутствуют разнообразный опыт, события и проблемы, возникшие в ходе таких связей.

Далеко не всякий раз мы можем обсуждать исследования подобных влияний в позитивном ключе, то есть позитивно использовать концепцию влияния, хотя и кажется, что связи и влияние заслуживают признания всегда. В настоящее время существуют два типа исследований культурных связей Китая, возникающих в процессе литературной деятельности, с зарубежными странами. Первый тип – исследовательская парадигма, которая подтверждает позитивное значение такого влияния: здесь просвещение и идеи современных национальных литератур воспринимаются как ценностный принцип для рассказа об истории литературных связей. Основная проблема такого подхода заключается в том, как произведения писателей и идеологические тенденции, существующие в одной литературной традиции, переводятся и передаются в другой; внимание сосредоточивается на аспектах коммуницирования литератур на различных языках с оптимистическим и нетерпеливым ожиданием позитивных моментов – дружеского понимания, равноправия и взаимовыгоды, однако уже подсознательно в литературном космополитическом воображении содержится подтверждение национальной гордости – взгляните, как китайская литература влияет на мир! Большинство наших предыдущих исследований были проведены исходя из этой парадигмы. Второй тип исследований сосредоточен на негативном аспекте влияния и демонстрации гегемонистического момента. Этот тип исследований руководствуется постмодернистскими и постколониальными воззрениями как ценностным принципом, сосредоточивая внимание на невозможности коммуникации, ошибочном прочтении и гегемонии разных литературных традиций. Высказываются сомнения в оптимистическом предположении о двусторонних и равных связях: говорится, что чем больше влияние одной конкретной литературной традиции на другую, тем меньше обратное влияние; литературные связи часто включают в себя процесс установления гегемонии, который расшатывает основы литературной традиции; демонстрируются обстоятельства «предательств» в процессе углубления связей между литературами на разных языках и антидвусторонний уклад данных связей; делаются попытки проанализировать порожденные этим социокультурные механизмы.

Развитие, углубление и инновации в изучении литературных связей Китая с зарубежными странами неотделимы от совершенствования теории, методов исследования и обсуждения парадигмальных основ. Свежие исследовательские концепции и теоретические идеи зачастую оказываются полезны для открытия новых и переосмысления старых исторических источников в области изучения литературных связей. В свою очередь, новые ракурсы и страте-

гии интерпретации источников дают подчас возможность реконструировать и прояснить историческую картину литературных связей и тем самым упорядочить исследования в данной области, что позволяет открыть новые научные горизонты.

Предыдущие исследования литературных связей Китая с зарубежными странами по большей части прошли в рамках первой парадигмы; парадигмальным проблемам второго типа, как кажется, внимания уделялось явно недостаточно. Данная книжная серия призвана сбалансировать научные вопросы обеих парадигм. Равноправный диалог – этический научный идеал, но мы не можем на этом основании закрывать глаза на известные исторические проблемы и игнорировать разнообразные проявления неравенства в литературных связях Китая с зарубежными странами. Следует провести анализ латентной структуры гегемонии, угнетения, инаковости, самоинаковости, самосознания и «отраженного написания». В то же время все это заставляет задуматься о некотором потенциальном противоречии нашей исследовательской парадигмы: как, с одной стороны, отождествляя себя с китайской позицией и с Китаем в качестве центра, мы, с другой стороны, можем ратовать за мировую литературу и межлитературное пространство? Нет ли здесь противопоставления? Когда в условиях растущей глобализации и осовременивания китайской литературы мы говорим о литературных связях Китая с зарубежными странами, фактически наша литература оказывается в невыгодном положении, и становится очевиден, как говорят на Западе, пассивный баланс влияния. К примеру, о влиянии китайской литературы на западную мы можем написать разве что одно специализированное исследование, а вот о влиянии западной литературы на современную китайскую вполне можно составить полновесное собрание сочинений. Мы особо подчеркиваем, что «китайская позиция», по сути, является «отраженным написанием». Кроме того, на деле за пределами национальной литературы конкретного государства не существует истории литературы как универсалии. «Мировая литература» и «всеобщая литература» из просветительской мифологии – не что иное, как порождение гегемонии западоцентризма; возможно, разумнее сосредоточиться на идее кросс-литературного пространства. Мы обсуждаем проблемы межлитературных связей и отношений, полагая, что мировая литература есть систематический процесс многоначального развития и взаимодействия, формирующийся в кросс-культурной и кросс-языковой межлитературной «публичной сфере» или в «публичном пространстве». Не только западная литература формирует современную китайскую литературу, но и последняя в известной степени принимает участие в формировании современной западной литературы. Хотя реальность такова, что в литературных связях между разными странами, нациями и регионами сохраняется неравноправие, тем не менее литература любой страны, нации и региона занимает собственную уникальную позицию в пространстве мировой литературы, а значит, мировая литература не может превратиться в результат экспансии какой-либо одной страны, нации или литературы на каком-либо одном языке.

Выше мы сделали попытку проанализировать, переосмыслить и определить базовые понятия, методы и теоретическую парадигму исследований литературных связей Китая с зарубежными странами, а также обозначить место данной книжной серии в истории науки. Расширение области исследований, богатство исторических источников, осмысление границ исследовательских проблем, углубленное изучение соответствующих вопросов, всестороннее обозначение рамок литературных связей Китая с зарубежными странами, о которых мы говорили, станут научными достоинствами этих книг. Мы надеемся, что серия поможет исследованиям в области литературных связей Китая с зарубежными странами, проводимым в русле китайского сравнительного литературоведения, принять законченный вид. Это не только проблема самосовершенствования конкретных ученых, но вопрос совершенствования всей сферы сравнительного литературоведения.

5

Выше мы уже писали об основных детализированных группах научных вопросов в изучении литературных связей Китая с зарубежными странами, разработанных профессором Цянь Линь-сэнем. Эти пять групп вопросов формируют базовую область проблематики, и написание каждого тома серии неотделимо от них. Переосмысление достигнутого даст нам одну из основ исследовательской парадигмы в изучении истории литературных связей Китая с зарубежными странами. В процессе создания данной книжной серии профессор Цянь Линь-сэнь вел непрерывную дискуссию по вопросам, относящимся к истории литературных связей Китая и зарубежных стран, пересматривая основные проблемы и теоретическую модель таких изысканий. Большинство ученых, которые принимали участие в проекте и руководствовались различными точками зрения, также высказались по теме, изложив свои конструктивные соображения, что привлекло внимание многих китайских исследователей.

Один из них, профессор Ван Нин (р. 1955), осмысляя изучение истории литературных связей Китая с зарубежными странами с высоты национальной стратегии в области культуры, считает: «Изучение восприятия и распространения китайской культуры и литературы за рубежом в новом веке должно стать важной исследовательской темой для ученых, занимающихся сравнительным литературоведением. Изучение этого предмета может не только сломать господствовавший долгое время в области исследований литературных связей Китая с зарубежными странами западоцентрический стереотип мышления и значительно повысить чувство национального достоинства и чувство гордости у китайских ученых, но и стать полезным для реализации стратегии выхода китайской культуры на мировой уровень. И потому ученые, занимающиеся сравнительным литературоведением, должны находиться на переднем крае науки». В противоположность ему Е Цзюань (р. 1973) оказался куда прагматичнее и задал вопрос об универсальной эффективности исследований литературных связей как научной модели. Он подверг сомнению легитимность сравнительного литературоведения как научной дисциплины по трем направлениям: осознание сравнительного литературоведения как части общей истории науки; сравнительное литературоведение как высшая точка истории идеологии; литературно-исторический базис сравнительного литературоведения в качестве отдельной дисциплины.

Профессор Гэ Гуй-лу (р. 1967) углубился в обсуждение трех аспектов проблемы исторических источников: письменные памятники и исторические источники, сфера проблематики, подход к их толкованию. «С точки зрения традиционной исследовательской модели такая дисциплина, как сравнительное литературоведение (а именно исследования в области истории литературных связей Китая с зарубежными странами), относится к категории изучения влияния; здесь чрезвычайно внимательно нужно относиться к получению и интерпретации “фактических материалов”. Что касается предметной области данной дисциплины, то она относится к категории истории; сбор письменных памятников и исторических материалов, их идентификация, понимание и использование являются базовым требованием для исторических исследований. Стремление к широкому и всестороннему овладению историческими источниками, полное насколько возможно, динамическое изучение формирования и эволюции исторических источников в общеисторическом процессе, разграничение первичных и вторичных по происхождению источников, распознавание их ценности и подлинности – это извечная отправная точка, основа для исследования». Безусловно, при недостатке исторических источников дело не пойдет, но и одних лишь исторических источников явно недостаточно. В подобных исследованиях очень важно осознание научной проблемы, проблема – это проводник и руководство при изучении. Гэ Гуй-лу идет дальше: «Способность на основе классических памятников и исторических источников вычленить из широкой проблематики разнообразные темы, которые

имеют научную ценность, является решающим показателем зрелости исследователя литературных связей. В области проблематики исследований литературных связей (и далее в рамках анализа всего исторического изложения литературных обменов Китая с зарубежными странами) открывается многовековой опыт литературного взаимодействия и его исторические закономерности, становится очевидной важность пути, по которому могли бы последовать будущие поколения, развивая национальную литературу, формируются базовые ориентиры в исследованиях литературных связей Китая с зарубежными странами».

Письменные памятники и исторические источники, область проблематики и позиция при интерпретации – вот три основные составляющие в исследованиях литературных связей Китая с другими странами. Богатство письменных памятников и исторических источников, постановка проблемы, расширение сферы исследований, углубление идейного анализа – в итоге именно эти факторы обусловливают интерпретационную позицию ученого. В теории исследования литературных связей Китая с зарубежными странами должны быть двусторонними и взаимными. Однако даже если мы хотим следовать духовной сущности подобного взаимообмена, нам не избежать оценочных суждений. Что касается китайских ученых, то они будут стоять на позиции китайской культуры, раскрывающей суть проблем Китая, и отправным пунктом и конечной точкой в проблематике исследования будет китайская литература. Таким образом, теоретическую направленность в изучении литературных связей Китая и зарубежных стран будут определять отклики на вызовы глобализации и осовременивания китайской литературы, а также ответ на вопрос, как на протяжении длительной истории взаимодействия Востока и Запада китайская литература (и культура) питает и развивает иностранную литературу и как иностранная литература активизирует и формирует глобализационные устремления литературы китайской. Это важная для нас предпосылка в размышлениях об истории литературных связей Китая и западных стран. Особенно следует обдумать, как в процессе литературного обмена между Китаем и западными странами китайская литература демонстрирует космополитичность и строит современность.

6

В письме в редколлегию данной книжной серии профессор Юэ Дай-юнь высоко оценила этот проект как «третью волну» в исследованиях литературных связей между Китаем и зарубежными странами: «Если серия “Чжунго вэньсюэ цзай говай” (“Китайская литература за рубежом”) – это первая волна, а “Вайго цзоцзя юй Чжунго вэньхуа” (“Зарубежные писатели и китайская культура”) – вторая, то “Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши” (“История литературных связей Китая и зарубежных стран”) должна стать волною третьей. Я думаю, что в данном смысле главную особенность серии отражает слово “связи”. Серия не просто ставит китайскую литературу во главу угла и изучает ее влияние за рубежом, но также делает упор на то, как китайскую литературу принимают зарубежные писатели, – с акцентом на объяснение двусторонней интерпретации, что требует не только нового угла зрения, но и новых методов. В общем и целом основная доля влияния, которое китайская литература оказала на литературу иных стран, приходится на литературу древнюю, тогда как влияние зарубежной литературы на китайскую приходится на литературу современную. Как соединить эти две вещи в одной серии – действительно сложный вопрос и ключ к тому, добьется ли “Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши” успеха».

Эта книжная серия выполняет важную миссию китайского сравнительного литературоведения, ее цель – не только описать историю литературных связей Китая с основными странами мира, но и построить «мировую систему литературного воображения» с позиции литературы на китайском языке. Основным предметом изучения здесь предстают литературные связи, поэтому ключевым вопросом исследования является «двусторонняя интерпретация». Когда мы подходим к исследованию с позиции последней, становится ясно, что литературные

связи между Китаем и зарубежными странами – это не просто проблемы перевода и распространения литературы; лишь взаимное узнавание китайской и западной литературы, взаимовлияние и творчество помогут найти решение. В письме к главному редактору серии Цянь Линь-сэню Янь Шао-дан сформулировал научные ожидания от этого проекта, написав, что изучение истории литературных связей должно «от обычного описания отображаемых фактов перейти к углубленному исследованию и определению “первоначального облика” в фактах литературных»:

> Я надеюсь, что каждый том этой серии будет основан на реальных фактах, что она в полной мере продемонстрирует распространение китайской культуры в мире и реалистично опишет богатое и разнообразное позитивное влияние мировых национальных культур на китайскую культуру и цивилизацию. С помощью «Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши» («История литературных связей Китая и зарубежных стран») будет проведено достоверное обсуждение исторического характера взаимодействия китайской и мировой культур. Изучение литературных связей обычно определяют на уровне распространения литературы и ее приятия, но исследования по сравнительному литературоведению (особенно китайские) за последние тридцать лет фактически порвали этот шаблон и перешли в область генезиса, имиджелогии, семиотики, герменевтики и нарратологии. Проведенные в этих областях исследования помогут нам приблизиться к истинному положению вещей в литературных связях и открыть подлинную их картину. Я ожидаю, что каждый том новой книжной серии «Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши» сможет от обычного описания отображаемых фактов перейти к углубленному исследованию и определению «первоначального облика» в фактах литературных.

После конференции в Нанкине в 2005 году, когда официально началась работа над книжной серией, к ней присоединились известные ученые Люй Тун-лю (1938–2005), Ли Мин-бинь (р. 1933), Чжао Чжэнь-цзян (р. 1940), Юй Лун-юй, Чжи Бо-хао (р. 1939), Ван Сяо-пин и другие. Люй Тун-лю возглавлял работу над томом о китайско-итальянских литературных связях, но вскоре после запуска книжной серии скончался, о чем мы безмерно скорбим. В процессе работы над проектом кто-то покидал его, а кто-то приходил: к нам присоединились Чжан Сипин (р. 1948), Лю Шунь-ли (р. 1959), Лян Ли-фан (р. 1948), Ци Хун-вэй (р. 1972), Ду Синьюань (р. 1974), Е Цзюань и другие, – все они внесли выдающийся вклад в общую работу. На протяжении всего процесса исследований и написания книг множество коллег как в Китае, так и за рубежом оказывали нам практическую поддержку и давали ценные и полезные советы. После конференции в Нанкине редколлегия провела еще четыре заседания в Цзинане, Пекине, Сямэне и снова в Нанкине: обсуждались конкретные вопросы подготовки книжной серии, мы заручились поддержкой издательства «Шаньдун цзяоюй чубаньшэ». Изначально планировалось потратить на написание книг пять лет, и тогда казалось, что этого времени вполне достаточно, однако неожиданно для нас окончательное завершение серии заняло целых девять лет – и этот срок позволяет судить, сколь долги и тяжелы научные изыскания.

Выпуски серии и их авторы следующие:

1) китайско-арабский том (Чжи Бо-хао, Дин Шу-хун, Цзун Сяо-фэй);
2) китайско-восточноевропейский том (Е Цзюань);
3) китайско-корейский (Южная и Северная Кореи) том (Лю Шунь-ли);
4) китайско-немецкий том (Вэй Мао-пин, Чэнь Хун-янь);
5) китайско-юго-восточноазиатский том (Го Хуэй-фэнь);
6) китайско-российский том (Ли Мин-бинь, Чжа Сяо-янь);

7) китайско-французский том (Цянь Линь-сэнь);
8) китайско-канадский том (под редакцией Лян Ли-фан и Ма Цзя);
9) китайско-американский том (Чжоу Нин, Чжу Хуэй, Хэ Чан-шэн, Чжоу Юнь-лун);
10) китайско-португальский том (Яо Фэн);
11) китайско-японский том (Ван Сяо-пин);
12) китайско-греко-еврейский том (Ци Хун-вэй, Ду Синь-юань, Ян Цяо);
13) китайско-испаноязычный том (Чжао Чжэнь-цзян, Тэн Вэй);
14) китайско-итальянский том (под редакцией Чжан Си-пина и Ф. Мазини);
15) китайско-индийский том (Юй Лун-юй, Лю Чао-хуа);
16) китайско-английский том (Гэ Гуй-лу);
17) китайско-центрально- и восточноевропейский том (Дин Чао, Сун Бин-хуэй).

Наша книжная серия призвана мобилизовать коллективный ум ученых, которые работают в данной области, досконально разобрать и усвоить уже полученные результаты, переосмыслить и заново оценить существующие исследовательские парадигмы, методы, теорию, ранее написанные исследования и опыт, отфильтровать и выбрать нужное, удалить ложное и оставить истинное – в надежде провести глубокие изыскания и всесторонне развить тему литературных связей Китая с зарубежными странами, придав ей новаторский облик.

Главные редакторы серии «Чжун вай вэньсюэ цзяолю ши» Цянь Линь-сэнь, Чжоу Нин[9]

[9] Цянь Линь-сэнь (р. 1955) – профессор Нанкинского университета, специализируется на сравнительном литературоведении и литературных китайско-французских связях. Чжоу Нин (р. 1961) – ректор Гуманитарного института при Сямэньском университете, специализируется на сравнительном театроведении.

Введение

История взаимоотношений между Китаем и Россией насчитывает немало лет, спектр их широк, а содержание разнообразно. Если описывать это всесторонне, в итоге получится капитальный многотомный труд. Потому данная книга, будучи лишь томом из серии, затрагивает только один аспект – литературные связи. Литература и культура зачастую так тесно сплетены, что их трудно разделить. Поэтому для начала мы дадим краткий исторический очерк взаимосвязей двух стран (включая литературу), дабы очертить весь фон исследования, а затем последуют главы с более подробным описанием.

Если взглянуть на историческую ретроспективу, то изначально Китай и Россию связывал лишь Шелковый путь, на котором роль посредников выполняли иные страны и регионы, и связь была косвенной, а прямые контакты установились позднее, в Средневековье. С приходом Нового времени Россию охватила китаемания. В начале XX века в Китае возникла тенденция «учиться у русских». В наши дни культурный обмен расцвел пышным цветом.

1

С точки зрения двусторонних литературных связей Китай проник в Россию сравнительно рано, при этом речь идет не только о продолжительности (период с XVIII по XXI век), но и о многообразии: здесь и различные литературные жанры, и большие и малые произведения разных форм. С другой стороны, проникновение России в Китай началось лишь на заре XX века и всего за сто лет стремительно набрало обороты; вполне вероятно, что эта тенденция сохранится и в будущем.

В целом процесс проникновения Китая в Россию – от самого начала до апогея переводов литературы и ее изучения – можно разделить на три эт апа.

Первый этап – начало проникновения китайской культуры в Россию. Его можно исчислять с первой половины XVIII века до первой половины XIX века. Такие журналы, как «Трутень», стали постоянно публиковать переводы классических китайских произведений. В 1779–1784 годах в переводе китаеведа А. Л. Леонтьева (1716–1786) появились отрывки из «И цзин», «Да сюэ», «Чжун юн», «Сань цзы цзин»[10]. В 1832 году впервые на русском языке был напечатан фрагмент романа «Хао цю чжуань»[11]. В этот период в общих чертах сформировалось российское китаеведение как дисциплина, основоположником его стал Н. Я. Бичурин (1777–1853).

Второй этап – время выделения исследований литературы из общего китаеведения – приходится на вторую половину XIX века. Маркером его стал курс лекций «Китайская литература», который появился в высших учебных заведениях. Основоположник данного курса В. П. Васильев (1818–1900) в 1880 году составил «Очерк истории китайской литературы» – первое в мире сочинение подобного рода. Позднее Васильев стал первым академиком Российской академии наук по разряду китайской литературы.

Третий этап – XX век, когда исследования китайской литературы достигли расцвета. В первой половине столетия жил и работал значимый для российского китаеведения человек – В. М. Алексеев (1881–1951), который сформировал и возглавил целую школу китаеведения.

---

[10] «И цзин» («Книга перемен»), «Да сюэ» («Великое учение») и «Чжун юн» («Срединное и неизменное») – канонические конфуцианские сочинения; последние два входили в так называемое «Сы шу» («Четверокнижие») – набор текстов для получения базового образования, знание которых было необходимо при сдаче экзаменов на право занятия вакантного чиновничьего поста. «Сань цзы цзин» («Троесловие») – также классический текст, в старом Китае служивший пособием для начального обучения детей.

[11] «Хао цю чжуань» («Счастливый брак») – анонимное произведение XVII века в восемнадцати главах, главная сюжетная линия которого – любовная связь между юношей Те Чжун-юем и красавицей Шуй Бин-синь.

Во второй половине XX века лидером стал Б. Л. Рифтин (1932–2012), добившийся наивысших результатов во многих областях исследований китайской литературы и в методологии таких исследований. И Алексеев, и Рифтин – второй и третий в истории России – стали академиками Российской академии наук по китайской литературе. На 1950-е и 1980-е годы пришлись два периода подъема исследовательской и переводческой работы в области китайской литературы, в то же время была воспитана когорта сильных китаеведов.

Что до проникновения русской литературы в Китай, то ее стали переводить с конца XIX – начала XX века. За сто с лишним лет изучение русской и советской литературы в Китае четырежды достигало расцвета.

Первый период – примерно со времен «Движения 4 мая» и до Северного похода, 1919–1927 годы[12]. Основное: переводы, которые представляли русскую прогрессивную литературу; знакомство с передовыми веяниями Октябрьской революции в России; попытки понять и изучить Советскую Россию, с тем чтобы использовать ее опыт для китайского движения за новую литературу.

Второй период – во время Японо-китайской войны, примерно с конца 1930-х по 1940-е годы. Основное: переводы, представлявшие новую советскую литературу – с упором на войну против агрессора; произведения, отражавшие социалистическое строительство; знакомство с «новыми персонажами» и «новым миром», с тем чтобы поднять боевой дух фронта и тыла во время боевых действий против Японии.

Третий и четвертый периоды – 1950-е и 1980-е годы соответственно. Русские и советские литературные произведения, можно сказать, наводнили Китай подобно приливу, это были самые разноплановые сочинения – от художественных произведений до книг по искусству, включая теорию литературы, теорию искусства и литературную критику. В это время также появилась отдельная научная дисциплина – русская и советская литература.

2

Хронологически историю литературных связей можно разделить на четыре этапа.

1. С древности по XVII век: медленное развитие отношений

Во времена Золотой Орды (примерно с середины XIII по конец XV века) в России уже знали, что есть такая страна – Китай. Официальные контакты между государствами стали происходить в начале XVII века. Обмен посольствами, подписание торговых соглашений и развитие культурных связей начались при русском императоре Петре I (годы жизни: 1672–1725; годы правления: 1682–1725) и цинском Кан-си[13], когда был подписан Нерчинский договор 1689 года, то есть с конца XVII века.

---

[12] «Движение 4 мая» – массовое антиимпериалистическое движение в Китае в мае—июне 1919 года, которое возникло под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и началось 4 мая 1919 года в Пекине протестной студенческой демонстрацией – в ответ на решение Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в Шаньдуне. В области культуры (и литературы в частности) эти события вызвали мощный подъем движения за новую китайскую духовность и отказ от старых ценностей; был выдвинут лозунг литературной революции; стали появляться реалистические произведения, свободные от условностей предшествующей традиции, их создавали на разговорном языке, используя при этом новаторские для Китая методы. Данный период в истории Китая по праву называют «литературной революцией». Одним из ее лидеров был писатель Лу Синь (1881–1936). Северный поход – поход Национально-революционной армии Гоминьдана под руководством Чан Кай-ши (1887–1975) совместно с коммунистическими войсками для объединения страны, предпринятый в 1926–1928 годах при поддержке СССР.

[13] В историографии принято называть китайских императоров не по личным именам, а по девизам правления. Под девизом Кан-си в 1661–1722 годах царствовал Айсиньгёро Сюань-е (1654–1722), четвертый маньчжурский император из династии Цин (1644–1912). – *Примеч. ред.*

Древний Шелковый путь, уходивший из Китая через границу Синьцзяна, вел на юг и на север. Северное направление от Янгишара (ныне г. Кашгар в Синьцзяне) сворачивало на запад, пересекало Памир, проходило через Давань (земли современной Ферганской долины в пределах Таджикистана) и южную часть Хорезма (недалеко от современного Самарканда, Узбекистан). Южное направление из Яркенда (современный одноименный уезд в Синьцзяне) сворачивало на запад, пересекало Памир и проходило через Великое Юэчжи (располагалось в верхнем и среднем течении Амударьи, частично на территории современного Туркменистана). Оба эти маршрута сходились в г. Мулу (современный г. Мали в Туркменистане). Дальше путь шел снова на запад на юго-восточное побережье Каспийского моря и далее тянулся на запад же – до восточного побережья Средиземного моря. Среди территорий, через который проходил Шелковый путь, были юг России и юг Армении[14].

Продвижение Китая на запад во времена империй Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и Тан (618–907) шло через Давань, Хорезм и Великое Юэчжи, и, таким образом, связи со среднеазиатскими странами были установлены сравнительно рано. Хотя в то время прямых контактов с Россией еще не было, китайские товары через Великий шелковый путь проникали в крупные российские города в центрально-европейской части страны, в том числе по реке Волге.

Западные походы монголов привели к прямым контактам между Китаем и Россией. В начале XIII века Чингисхан (1155/1162–1227) возглавил далекий завоевательный поход и занял восточный берег Волги. В 1236 году внук Чингисхана Батый (ок. 1209–1255) снова напал на Древнюю Русь, в 1240 году захватив Киев, и основал империю, простиравшуюся от Европы до Азии, – Золотую Орду.

Количество поступавших в Россию китайских товаров постепенно возрастало, что отразилось среди прочего в транслитерации некоторых терминов. К примеру, русская транслитерация названия Китая пришла от киданей. Изначально кидани – народность, которая населяла север Китая. Основанная ими империя Ляо (907–1125) занимает в китайской истории важное место. Русское «Китай» – вариант произношения «кидань».

В первой четверти XVII века, в годы правления минского императора Вань-ли[15], Китай и Россия стали изучать возможность установления более тесных контактов друг с другом. Если контакты западных стран с Китаем часто начинались с поездок миссионеров, то в случае с Россией такими посланниками выступали казаки. Начало китайско-российских дипломатических контактов было положено томским казаком И. Ф. Петлиным (кон. XVI – пер. пол. XVII в.). Он получил приказ занять пост казачьего воеводы Тобольска и в 1618 году добрался до Пекина, желая попасть на аудиенцию к императору Вань-ли.

В 1654 году царское правительство отправило в Китай посольство во главе с Ф. И. Байковым (1612–1663), которое прибыло в Пекин два года спустя. В 1660 году Россия направила в Пекин другого посланника, И. С. Перфильева (XVII в.). Оба посланца вернулись с документами, подписанными цинским императором Шунь-чжи[16].

В годы правления императора Кан-си Китай и Россия неоднократно обменивались посольствами. В 1675 году посольство в Китай возглавил Н. Г. Спафарий (1636–1708), и цинский император четыре раза удостоил его аудиенции. В 1719 году в Китай был послан Л. В. Измайлов (1685–1738), он удостоился высочайшей аудиенции пять или шесть раз. Ранее,

---

[14] *Чжан Син-лан*. Чжун си цзяотун шиляо хуэйбянь (Свод исторических материалов о сообщении между Востоком и Западом). Пекин, 1929. (Фужэнь дасюэ цуншу (Книжная серия Университета Фужэнь). Вып. 1). Т. 4. С. 1, 3–27; Т. 5. С. 1, 3.

[15] Под девизом Вань-ли в 1572–1620 годах правил Чжу И-цзюнь (1563–1620), тринадцатый император из династии Мин (1368–1644). – *Примеч. ред.*

[16] Под девизом Шунь-чжи в 1644–1661 годах правил Айсиньгёро Фу-линь (1638–1661), третий цинский император. – *Примеч. ред.*

в 1716 году, в качестве специального посланника приехал швед Л. Ланг (1690?–1752) и тоже побывал на такой аудиенции.

Поскольку русские казаки значительно расширяли свое проникновение на Восток, тем самым создавая серьезную угрозу для безопасности границ Китая, в конце концов правительства обоих государств послали представителей для проведения переговоров, и в 1689 году был подписан Нерчинский договор, первый договор между Китаем и Россией. Китайскую сторону представлял министр Государственной канцелярии Сонготу (1636–1703), российскую – министр двора Ф. А. Головин (1650–1706). Переговоры прошли у Нерчинска на китайско-российской границе и затронули вопрос проведения границ между двумя странами, а также тему торговых отношений. Договор заложил основу для китайско-российских дипломатических и торговых связей. С этого момента начал развиваться и культурный обмен между Китаем и Россией.

2. XVIII век: прекрасное начало – основа для долгосрочных связей

2.1. Начало увлечения Китаем в русском обществе

В XVIII веке в России произошел всплеск увлечения Китаем – двор и высшие слои общества стали горячо интересоваться предметами китайской материальной культуры, а интеллектуалы сосредоточились на древних китайских литературе и культуре.

«Китайское поветрие», зародившееся во Франции и охватившее впоследствии всю Европу, в немалой степени повлияло и на Россию. Вольтер (1694–1778) восхищался нравственно совершенными китайскими сочинениями, отдавал должное учению Конфуция (551–479 гг. до н. э.) и даже почерпнул материал из юаньской драмы «Чжао ши гу эр»[17] для своей пьесы «Китайский сирота», которая в дальнейшем повлияла на российских литераторов. Драматург Д. И. Фонвизин (1743/1745–1792) перевел с французского языка конфуцианский трактат «Да сюэ» («Великое учение»). Два журнала, где главным редактором был писатель Н. И. Новико́в (1744–1818), опубликовали материалы, прославлявшие идеальных императоров Китая. В «Трутне» вышел «Чензыя китайского философа совет, данной его государю» – отрывок из «Вэй тай чжун шан Хуанди ин чжаошу» («Письмо, написанное к императору по повелению Великого увещевателя») Чэн И[18], оригинал был создан в 1065 году. Второй материал появился в «Пустомеле» под названием «Завещание Юнджена китайского хана к его сыну» – это было сочинение «Юнчжэн ди чуань цзы ичжао», написанное в 1735 году.

За сто лет в России три правителя способствовали созданию атмосферы «китайского поветрия» – Петр I, Елизавета Петровна (годы жизни: 1709–1761; годы правления: 1741–1761) и Екатерина II (годы жизни: 1729–1796; годы правления: 1762–1796).

Наиболее примечательна в этом плане Екатерина II, при которой влияние Китая едва ли не стало культурной идеологией. Когда Екатерина II взошла на трон, она назвала себя просвещенным монархом, личным примером показала увлеченность Китаем и даже сформировала «китайский стиль правления»: с одной стороны, она во множестве собирала китайский фарфор, лакированные изделия и шелковые ткани, по ее повелению строились дворцовые поме-

[17] «Чжао ши гу эр» («Сирота из рода Чжао») – пьеса драматурга Цзи Цзюнь-сяна (XIII в.), созданная в эпоху Юань (1271–1368); историческая трагедия, рассказ о том, как коварный военачальник ложно обвинил семью Чжао в убийстве правителя, в результате чего из всей семьи выжил лишь один младенец, которого спас от смерти семейный лекарь. Через двадцать лет сирота отомстил обидчику.

[18] Чэн И (1033–1107) – философ и педагог эпохи Сун (960–1279), один из основоположников неоконфуцианства, возникшей в XI веке системы, которая базировалась в первую очередь на текстах Конфуция, Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.) и их ближайших учеников, заимствовала у буддизма и даосизма некоторые абстрактные понятия и ассимилировала их.

щения и парки в китайском стиле; с другой – преклоняясь перед французским просветителем Вольтером как перед учителем, Екатерина II постоянно говорила о Китае в адресованных ему и другим лицам письмах. Не в последнюю очередь благодаря этому российские журналы екатерининской эпохи получили возможность публиковать множество материалов о Китае, а также переводы китайских произведений.

Главный императорский дворец, известный также как Зимний, был построен в 1754–1762 годах. Начиная с советского времени в стенах дворца размещается основная экспозиция Государственного Эрмитажа, которая представлена в шести разделах. Раздел, посвященный культуре и искусству восточных стран, имеет в своем составе галерею китайской культуры и искусства, состоящую из тринадцати выставочных залов, где экспонируется значительное количество произведений китайского искусства, тщательно собранных несколькими русскими правителями: различные фарфоровые изделия начиная с эпохи Юань и по конец Цин; разные изделия из лака и перегородчатой эмали начиная с эпохи Мин и до конца Цин и начала Республики (1912–1949); цветная глиняная пластика, народные игрушки и вырезки из бумаги, новогодний лубок, а также каменные барельефы и резьба по дереву различных эпох.

2.2. Взаимное сближение: обмен дипломатическими мисс иями

В 1712 году в низовья Волги через Сибирь было отправлено посольство из четырех человек во главе с придворным чтецом Государственной канцелярии Аяньгёро Тулишэнем (1667–1741), чтобы выразить приязнь торгутскому[19] хану Аюке (1642–1724). Их поездка продолжалась почти три года. Хотя это не было прямое посольство в русскую столицу, все же большая часть пути прошла на территории России, где посланников повсеместно встречали и принимали российские чиновники.

Помимо продвижения дружеских китайско-российских отношений на уровне исполнительных властей и простого люда, вояж Тулишэня имел большое значение с точки зрения культурного обмена. Пропагандистский талант Тулишэня оказался столь велик, что в донесениях царю российские чиновники называли его не иначе как «посланцем небесного царства». Можно сказать, что Тулишэнь и был посланником дружбы и культуры.

После возвращения на родину Тулишэнь в 1715 году составил книгу «Июй лу» («Записи о чужеземном крае»), где «описал горы и реки, народные нравы и местные товары, виденные в дороге, а также какие есть правила поведения». Это первые заметки о путешествии китайца в Россию, содержание их весьма богато, описания яркие и убедительные; Тулишэнь рассказывал о том, чего китайцы еще не слышали, поэтому данное сочинение ценилось весьма высоко. Когда цинские чиновники составляли «Да Цин итунчжи» («Всеобщее описание Великой Цин»), «Сыи као» («Разыскания об инородцах четырех сторон света») и «Сыку цюаньшу» («Все книги из четырех хранилищ»), туда вошел полный текст «Июй лу».

Когда Тулишэнь отправился к торгутам, Петр I высказал требование отослать обратно с ним духовную миссию архимандрита И. Лежайского (1657–1717). Так первая православная миссия прибыла вместе с отрядом Тулишэня в Пекин в 1715 году. С тех пор установился определенный порядок: каждая такая миссия состояла из десяти человек – четырех священнослужителей и шестерых светских (включая врачей и учащихся, сопровождавших миссию); каждые десять лет состав заменяли, место же пребывания духовной миссии стало называться «Русское подворье».

[19] Торгуты – один из монгольских народов, откочевавший из Монголии. – *Примеч. авт.*

2.3. Изучение языков

Пекинская духовная миссия действовала почти 250 лет и двадцать раз обновлялась. До Октябрьской революции она выполняла одновременно три функции: миссионерскую, дипломатическую и культурную. Культурный обмен, который осуществляли члены миссии, имел двоякий характер: с одной стороны, они изучали китайский, маньчжурский, тибетский и монгольский языки, с другой – их приглашали преподавать китайцам русский язык и латынь. Первые переводы классики китайской культуры на русский язык были сделаны как раз членами духовной миссии. Многие преподаватели впоследствии стали известными китаеведами.

После того как цинское правительство учредило Русское подворье, по инициативе и по распоряжению императора Кан-си в 1708 году была открыта школа русского языка – первое в истории Китая учебное заведение подобного рода. В прошлом в переговорах с Россией цинское правительство полагалось на выступавших переводчиками западных миссионеров и русских торговцев, однако с развитием дипломатических отношений возникла острая необходимость воспитать собственных переводчиков, тогда император и принял решение открыть школу. Для начала из отпрысков Восьми знамен[20] были отобраны 68 человек. На территории русского купеческого поселения выделили помещение, в котором и открылась школа, преподавали там русские купцы. В 1716 году данная школа перешла в подчинение Палаты архивариусов Государственной канцелярии и была передана в непосредственное управление Государственной канцелярии, получив название «Школа русского языка при Государственной канцелярии». За 154 года своего существования (1708–1862) она воспитала немало талантливых людей.

3. XIX век: всестороннее расширение связей, особая важность литературного контента

В XIX веке культурный обмен между Китаем и Россией шел в полную силу и в области персонала, и в информационном поле (вплоть до идеологии), но особенно в сфере перевода и оценки произведений культуры и литературы.

3.1. Обмен древними памятниками

Количество российских посланцев в Китай увеличивалось с каждым днем, тогда как число китайских дипломатов, приезжающих в Россию, было значительно меньше. Имеется немало записей, откуда можно почерпнуть сведения о взаимном литературном и культурном обмене. К примеру, в 1887 году известный ученый и дипломат Хун Цзюнь (1839–1893) отправился с посольством в Россию, Австрию, Германию и Нидерланды. Во время миссии в России Хун Цзюнь проштудировал различные русские книги и иные материалы с целью дополнить свои исследования истории империи Юань, после чего написал «Юань ши ивэнь чжэн бу» («Дополнения “Истории Юань” из переводных текстов») в тридцати главах. Знакомились с русской культурой и другие официальные лица. Например, Бинь Чунь (1804–1871), который был направлен в Россию в 1866 году и дважды посетил театральное представление в Санкт-Петербурге; или Чжан Дэ-и (1847–1918), переводчик посла Го Сун-тао (1818–1891), который в 1879 году смотрел балет в императорском дворце. Позднее, в 1888 году, известный преподаватель и библиограф Мяо Цюань-сунь (1844–1919) побывал в Академии наук, Академии худо-

[20] Восемь знамен – принцип организации маньчжурских вооруженных сил, каждый корпус которых обладал собственным знаменем; после завоевания Китая – наследственная маньчжурская каста.

жеств и в Императорской публичной библиотеке[21] и повстречался с китаеведом В. П. Васильевым. Дипломат Ван Чжи-чунь (1842–1906) в сочинении «Ши Э цао» («Наброски посланного в Россию») отметил, что в 1895 году в Санкт-Петербурге в императорском театре смотрел балет «Лебединое озеро», а во время посещения библиотеки видел хранящиеся там китайские книги, такие как «Си сян цзи»[22] и «Хун лоу мэн»[23]. В Россию также была отправлена миссия во главе с лидером движения за вестернизацию Ли Хун-чжаном (1823–1901); в 1896 году он присутствовал в Москве на коронации императора Николая II (годы жизни: 1868–1918; годы правления: 1894–1917), посетил проводившуюся в Нижнем Новгороде Всероссийскую промышленную и художественную выставку, а также Московскую школу для слепых, где учился будущий писатель В. Я. Ерошенко (1890–1952). Эти события описаны в романе М. Горького (1868–1936) «Жизнь Клима Самгина». Как замечал в своих записках академик В. М. Алексеев, Ли Хун-чжан не мог понять оперы, и когда исполнитель на сцене начал громко петь, он в ужасе вскочил и бросился прочь со словами: «Это невыносимо! Как будто тигр зарычал!»

Большую роль в развитии культурных связей между двумя странами сыграло взаимное дарение книг. В 1845 году цинское правительство передало России хранившееся в пекинском храме Юнхэгун буддийское сочинение «Данчжуэр цзин»[24]. Вскоре Россия в качестве ответного шага преподнесла Палате по делам инородцев крупную партию книг. В разделе «Элосы цзиньчэн шуцзи цзи» («Записки о книгах, преподнесенных Россией») из труда «Шофан бэй чэн» («Полные анналы севера») Хэ Цю-тао (1824–1862) сказано, что русское правительство «сняло копии со всех имеющихся книг и прислало в дар, всего 357 номеров, каждый номер в отдельной обложке, оформление очень пышное, есть книги с иллюстрациями… <…> Я установил, что в половине книг говорится об исторических событиях, географии, вооружении, арифметике их страны, в двадцати процентах – о медицине, разведении сельскохозяйственных культур и толковании слов, а вот таким предметам, как вероисповедание или стихи и проза, отдано всего десять процентов»[25]. Поскольку умеющих читать по-русски в то время было мало, подаренные книги были сначала переданы на хранение в Палату по делам инородцев, а потом перемещены в Стратегическую палату и канцелярию премьер-министра.

Согласно исследованиям Гэ Бао-цюаня, ныне от этих книг сохранились одни названия. Как можно понять из перечня названий, «в литературной части были представлены ведущие российские авторы XVIII – начала XIX века: Г. Р. Державин (1743–1816), И. И. Дмитриев (1760–1837), И. А. Крылов (1769–1844), Н. М. Карамзин (1766–1826), А. С. Пушкин (1799–1837), Н. В. Гоголь (1809–1852) и другие. Кроме того имелись “Эго минцзя цунвэнь” (“Собрание сочинений знаменитых писателей России”) в шестнадцати томах и “Элосы вэньжэнь байцзя чжуань” (“Биографии русских литераторов”) в двух томах, но, к сожалению, ни содержание, ни авторы их неизвестны, возможно, это были сочинения известных российских авторов того времени»[26].

---

[21] Императорская публичная библиотека – ныне Российская национальная библиотека. – *Примеч. ред.*

[22] «Си сян цзи» («Западный флигель») – знаменитая пьеса юаньского драматурга Ван Ши-фу (1260–1336), красивая история любви молодого ученого и прекрасной девушки, которой пытается помешать разбойник, заставляющий девушку выйти за себя замуж. Ученый спасает девушку от напасти, но ее мать, вместо того чтобы поженить влюбленных, объявляет их братом и сестрой. Проблему разрешает служанка девушки, и влюбленные благополучно соединяются. Полный русский перевод впервые был опубликован в 1960 году.

[23] «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме») – один из так называемых четырех великих многоглавных романов, принадлежащий кисти Цао Сюэ-циня (ок. 1715–1763). Роман представляет собой масштабное повествование об истории упадка богатого семейства Цзя; он также полностью переведен на русский язык, перевод впервые увидел свет в 1958 году.

[24] «Данчжуэр цзин» («Данчжур») – канонизированный свод комментариев к тибетскому буддийскому канону «Ганьчжуэр» («Ганьчжур»), а также некоторые сопутствующие тексты.

[25] Цитируется по: *Гэ Бао-цюань*. Тань Чжун Э вэньцзы чжи цзяо (Об обмене документами между Китаем и Россией) // Чжун вай вэньхуа цзяолю ши (История культурных связей Китая с зарубежными странами) / Гл. ред. Чжоу И-лян. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 549.

[26] Там же.

Помимо православной церкви на раннем этапе культурного обмена между Россией и Китаем были задействованы также Академия наук в Санкт-Петербурге, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, восточные факультеты в университетах (таких как Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, Восточный институт во Владивостоке)[27]. Очевидно, что Россия вложила в эту область больше человеческих ресурсов и финансовых средств, чем Китай.

3.2. Результаты связей с российской стороны в ранний период

1) Рождение российского китаеведения и его основатель Н. Я. Бичурин

Раннее китаеведение зародилось в начале XVIII века в русской православной миссии в Пекине, где образовалась группа талантливых людей, успешно изучавших китайскую культуру. В эту группу входил и Н. Я. Бичурин – настоятель Казанского Иоанновского монастыря, впоследствии ставший настоятелем Вознесенского монастыря в Иркутске. В 1807 году он занял пост главы девятой православной миссии в Пекине, в январе 1808 года прибыл в столицу Китая и с этого времени посвятил себя исследованию китайской культуры. Здесь он сосредоточил усилия на изучении китайского, маньчжурского и монгольского языков, составил шесть словарей, в том числе «Словарь китайско-русский, расположенный по русскому алфавиту».

За четырнадцать лет пребывания в Пекине Бичурин собрал значительное количество литературных сочинений и иных материалов, его научные интересы затрагивали китайскую философию, экономику, политику, этику, местные обычаи и национальные меньшинства. Результаты его исследований вполне могут составить энциклопедическую серию: он перевел «Сицзан чжи» («Описание Тибета»), «Чжуньгаэр хэ Дун Туэрцисытань чжи» («Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана»), «Бэйцзин гайлань» («Описание Пекина»), «Чэнцзисыхань цзяси цянь сы хань ши» («История первых четырех ханов из дома Чингисова»), «Сань цзы цзин» («Троесловие»), «Сицзан хэ Цинхай ши» («История Тибета и Хухунора»); создал «Записки о Монголии», «Историческое обозрение ойратов, или калмыков»; опубликовал статьи «Ежедневные упражнения китайского государя», «Земледельческий календарь китайцев», «Взгляд на просвещение в Китае», «Статистические сведения о Китае», «Меры народного продовольствия в Китае», «Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными». Среди главных трудов Бичурина – «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» и «Статистическое описание китайской империи». Помимо этого Бичурин стоял у истоков создания школы китайского языка, воспитывавшей талантливых китаеведов.

В 1828 году за выдающиеся научные достижения Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по разряду литературы и древностей Востока.

2) Первое в мире издание по истории китайской литературы

В 1837 году на восточном факультете Казанского университета появилась кафедра китайской словесности, что стало эпохальным событием в истории российского китаеведения. Последнее обозначило две ведущие тенденции: перемещение центра китаеведения из Пекинской духовной миссии в пределы России и передачу китаеведного образования от обще-

[27] Э Су Чжунгосюэ шоуцэ (Справочник по российскому и советскому китаеведению) / Чжунго шэхуэй кэсюэюань вэньсянь цинбао чжунсинь (Документально-информационный центр Китайской Академии общественных наук). Пекин: Чжунго шэхуэйсюэ чубаньшэ, 1986. Т. 1. С. 103–106.

образовательных школ отдельных синологов – таких как И. К. Россохин (1707/1717–1761) и Н. Я. Бичурин – к высшим учебным заведениям, что давало будущим китаеведам возможность получить качественное образование, а также заняться университетскими исследованиями.

В. П. Васильев в 1837 году окончил отделение восточных языков историко-филологического факультета Казанского университета, в 1840 году приехал в Пекин в качестве ученика двенадцатой православной миссии и оставался там десять лет. Он изучил китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский языки, а кроме них в совершенстве овладел японским, корейским, санскритом и тюркскими языками. Это был человек энциклопедических знаний и широчайших научных интересов. Начиная с 1851 года в течение пятидесяти лет он преподавал на восточных факультетах Казанского и Санкт-Петербургского университетов, подготовив для России большое количество китаеведов. Васильев исследовал историю, религию, географию, литературу, опубликовал несколько десятков переводов, после него осталось множество рукописей – в архивах зафиксировано 140 единиц хранения. Основные его труды: «Буддизм, его догматы, история и литература», «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах», «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм» и «Очерк истории китайской литературы». В 1866 году Васильев был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук, а двадцать лет спустя стал первым в истории России академиком, который специализировался на исследовании китайской литературы.

«Очерк истории китайской литературы» В. П. Васильева состоит из трех частей: первая и вторая отданы классическим конфуцианским, буддийским и даосским текстам, а также книгам по сельскому хозяйству и военному делу, третья часть посвящена поэзии, прозе и драме.

3) Русские писатели начинают уделять больше внимания китайской словесности

Среди писателей, которые обратили свое внимание на китайскую литературу, особенно выделяются А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой (1828–1910). Пушкин не только воспевал Китай в своих стихах, но и способствовал распространению перевода «Сань цзы цзин» («Троесловие»). Толстой почитал конфуцианское и даосское учения, написал их обзор; он также утверждал, что Конфуций, Мэн-цзы и Лао-цзы (ок. 571–471 гг. до н. э.) оказали на него огромное влияние.

3.3. Перевод и распространение китайской литературы в России

В России давно обратили внимание на китайскую словесность, однако за весь XVIII век насчитывалось лишь несколько разрозненных переводов литературных памятников. В XIX веке их количество возросло: появилось порядка пятидесяти публикаций, из которых бóльшую часть составили переводы китайских сочинений, а оставшуюся – обзорные статьи и специализированные сочинения[28]. Среди наиболее известных переводов: вышедший в 1827 году отрывок из «Юй, Цзяо, Ли»[29], опубликованный в 1832 году перевод отрывка из романа «Хао цю чжуань» («Счастливый брак») и глава из «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»), появившаяся в 1843 году; изданная в 1847 году пьеса «Пипа цзи»[30] в переводе

[28] *Скачков П. Е.* Библиография Китая / Отв. ред. А. Г. Яковлев. М.: Издательство восточной литературы, 1960. С. 497–552.

[29] «Юй, Цзяо, Ли» – анонимный позднеминский двадцатиглавный роман о любви между молодым ученым и красавицей.

[30] «Пипа цзи» («Лютня») – знаменитая пьеса юаньского драматурга Гао Мина (ок. 1305–1359) о молодом ученом, уехавшем в столицу на экзамены и оставившем дома жену; снискав успех, ученый становится зятем первого министра, но в конце соединяется со своей прежней женой, самоотверженно выдержавшей все тяготы и лишения.

В. С. Межевича (1814–1849); остальное по большей части поэзия, смешные истории, народные легенды и сказки. Во второй половине XIX века появились несколько историй из классического сочинения «Ляо Чжай чжи и»[31] в переводе В. П. Васильева. В 1894 году он же перевел новеллу «Ли ва чжуань»[32] и опубликовал ее под названием «Лива – китайская куртизанка». Из поэзии появились такие известные произведения, как «Тэн ван гэ сюй» («Повествование о палатах Тэнского вана») танского поэта Ван Бо (ок. 650–676), напечатанное в 1874 г оду.

Многие из увидевших свет произведений переводились с европейских языков: «Юй, Цзяо, Ли» – с французского, некоторые стихи – с немецкого, «Хао цю чжуань» сначала был переведен на английский, с английского – на французский и уже с французского – на русский.

Стоит особо подчеркнуть, что русские переводы древней прозы были масштабны уже на раннем этапе. В 1780 году А. Л. Леонтьев перевел на русский с китайского и маньчжурского языков «Да сюэ» («Великое учение»). В 1788 году А. С. Агафонов (1746–1792/1794) перевел «Чжун юн» («Срединное и неизменное»). В 1818 году была опубликована глава «Моугун пянь» («О начале похода») из трактата «Сунь-цзы бин фа»[33], перевод с французского языка выполнил М. К. Грибовский (1786–?). В 1884 году Васильев предпринял комментированный перевод трактата «Лунь юй»[34], а кроме того – «Мэн-цзы»[35], «Хань Фэй-цзы»[36], «Дао дэ цзин»[37]; последние переводы существовали в рукописи и были изданы в начале XX века.

Еще один путь распространения китайской литературы в России – обзорные статьи, написанные российскими китаеведами и опубликованные в ряде важных журналов. Так, «Известия Императорского Русского географического общества» в течение пяти лет, с 1868 по 1872 год, регулярно включали выпуск «Новостей китайской литературы» (по корреспонденции из Пекина). «Восточное обозрение» в 1890 году опубликовало отчет о лекции А. О. Ивановского (1863–1903) «Изящная словесность у китайцев, их повесть, роман и драма», прочитанной в Музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Такие публикации были невелики, однако распространялись в периодических изданиях, поэтому давали возможность познакомиться с китайской литературой большему числу людей. Эссеистические заметки инженера и химика А. И. Кованько (1808–1870) «Поездка в Китай» с приложением перевода из первой главы «Хун лоу мэн», опубликованные в 1841–1843 годах в журнале «Отечественные записки», удостоились похвалы знаменитого литературного критика В. Г. Белинского (1811–1848).

4. XX век: время расцвета литературных связей

Проникновение русской литературы в Китай началось лишь в конце XIX века, однако стало стремительно нарастать уже в следующем столетии. В первой половине XX века китайцы

---

[31] «Ляо Чжай чжи и» («Рассказы Ляо Чжая о необычайном») – сборник новелл цинского писателя Пу Сун-лина (1640–1715), посвященных сверхъестественному и удивительному. Самый полный, классический перевод сборника на русский язык (около половины оригинального текста) принадлежит академику В. М. Алексееву. Многократно издавался. Наиболее авторитетное издание вышло в 2000 году.

[32] «Ли ва чжуань» («История Ли Красавицы») – известная новелла танского литератора Бо Син-цзяня (776–826), которую неоднократно переводили на русский язык.

[33] «Сунь-цзы бин фа» («Искусство войны Сунь-цзы») – знаменитый древнекитайский классический трактат о военной стратегии и политике, основополагающий текст школы военной философии; автор трактата – Сунь У (ок. 545–470 гг. до н. э.).

[34] «Лунь юй» («Беседы и суждения») – основополагающий конфуцианский памятник, собрание изречений и диалогов Конфуция, созданное его учениками. Существует несколько полных переводов на русский язык.

[35] «Мэн-цзы» («Учитель Мэн») – древнекитайский философский трактат, содержащий беседы и рассуждения конфуцианского мыслителя Мэн-цзы. Полный перевод на русский язык вышел в 1999 году.

[36] «Хань Фэй-цзы» («Учитель Хань Фэй») – древнекитайский философский трактат одного из крупнейших теоретиков легизма Хань Фэя (280–233 гг. до н. э.), подвергающий критике догмы конфуцианства.

[37] «Дао дэ цзин» («Книга Пути и Благодати») – основополагающий памятник даосизма, автором которого традиционно считается Лао-цзы.

устремились к русской и советской культуре, принялись заимствовать ее, прежде всего революционные идеи; в 1950-х годах Китай и Россия уже активно сотрудничали, очень быстро сформировался поток взаимных связей. Позднее возникли некоторые затруднения, но впоследствии, во второй половине столетия, оживленный процесс обмена получил продолжение.

4.1. Первая половина XX века

1) Начало века: Советская Россия выбрана в качестве наставника

Мао Цзэ-дун (1893–1976) говорил: «Китайцы обрели марксизм благодаря русским»[38]. После Октябрьской революции основатель партии Гоминьдан Сунь Ят-сен (1866–1925) телеграммой поздравил В. И. Ленина (1870–1924) и советское правительство с победой и отметил, что революция в России подарила надежду для всего человечества. С 1917 года и до основания в 1921 году Коммунистической партии Китая было переведено и издано более десяти работ Ленина, в том числе «Великий почин», а с момента основания КПК и до 1927 года на китайском языке вышло уже более тридцати сочинений Ленина. С 1927 по 1937 год в Центральном советском районе[39] и на территории, подвластной Гоминьдану, опубликовали более сорока работ Ленина, включая труды «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» и «О государстве»[40].

Во время Японо-китайской войны, 5 мая 1938 года в Яньане был учрежден Институт марксизма-ленинизма, с 1938 по 1942 год там издавались собрания сочинений К. Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса (1820–1895), В. И. Ленина, И. В. Сталина (1879–1953). В июне 1946 года появилось Центральное управление русских переводов, которое не только выпускало марксистско-ленинские сочинения, но и обучало русскому языку.

Согласно неполной статистике, с начала XX века и по 1949 год, к моменту основания нового государства – Китайской Народной Республики, было издано более пятисот марксистско-ленинских сочинений, в том числе «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция» В. И. Ленина, а также «Об основах ленинизма» И. В. Сталина[41].

После того как Россия пережила Октябрьскую революцию, Китай стал воспринимать ее в качестве наставника, у которого следует учиться. Между двумя странами начался взаимный обмен, наполненный новым культурным содержанием. В августе 1920 года в Хунани Мао Цзэ-дун, один из основателей КПК Хэ Шу-хэн (1876–1935) и другие деятели инициировали создание «Ассоциации российских исследований» и программы совмещения работы и учебы в России. В 1921 году первая группа революционной молодежи прибыла для обучения в Советскую Россию. Сунь Ят-сен, провозгласив три политические установки «Союз с Россией, союз с КПК, помощь крестьянству», отправил еще одну группу в Москву – учиться в Коммунистическом университете трудящихся Востока. После смерти Сунь Ят-сена, дабы почтить его память, в Москве был основан Университет трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена, специально назначенный принимать на учебу китайских студентов. Обучение китайцев в СССР пережи-

---

[38] *Мао Цзэ-дун.* О демократической диктатуре народа // *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения. Т. 4. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1964. С. 504.

[39] Центральный советский район – он же Центральная революционная база, крупнейший анклав Китайской Советской республики (1931–1937), располагавшийся на юго-востоке провинции Цзянси и западе провинции Фуцзянь.

[40] *Вэй Чжун-лунь*. Чжунго фаньи шихуа (Популярная история переводов в Китае). Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 1991. С. 73–79.

[41] *Сунь Шу-шэн*. Ма Ле чжуцзо фаньи гунцзо цзиши (Хроника работы по переводу сочинений В. И. Ленина) // Чжунгун чжунъян бяньицзюй сы ши чжоунянь цзиняньцэ (Альбом в честь сорокалетия Управления переводов ЦК КПК (1953–1993). Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1993. С. 29.

вало настоящий бум; в этот период здесь получили образование многие руководители КПК и важные кадровые работники.

Первым Советскую Россию посетил Цюй Цю-бо[42]. Он прожил в России около двух лет, с начала 1921 по конец 1922 года, изучая новое общество изнутри, и отсылал домой многочисленную корреспонденцию, которая публиковалась в газете «Чэньбао». Впоследствии написанное в эти дни было объединено в два сборника эссе. В первом сборнике «Э сян цзи чэн» («Записки о поездке по голодной стране»), также известном под названием «Синь Эго ю цзи» («Путевые записки о новой России»), Цюй Цю-бо рассказывал о своем путешествии «из неголодной страны в голодную». Второй сборник «Чи дусинь ши» («История красной столицы») описывал наблюдения и впечатления автора о жизни в Москве в 1921 году. Две эти книги раньше прочих правдиво рассказали китайскому народу о новом облике Советской России после революции и о тех страданиях, через которые она прошла.

2) Конец 1920-х годов: первый этап бурного проникновения русской и советской литературы в Китай

После Октябрьской революции китайцы стали интересоваться Советской Россией. Пропаганда и переводы русской и советской литературы стали чем-то вроде священной миссии – словно добыча небесного огня для всего человечества. Количество переводов русской литературы резко возросло, их доля в переводах иностранной литературы существенно увеличилась и быстро заняла лидирующие позиции. Согласно данным общего указателя переводов в индексах к «Чжунго синь вэньсюэ даси шиляо» («Большое собрание исторических материалов по новой китайской литературе») 1919–1927 годов, за восемь лет после «Движения 4 мая» всего было переведено 187 произведений иностранной литературы, из них – 65 русских, что составляет полновесную треть. С конца 1920-х и до середины 1930-х годов, несмотря на многочисленные запреты и препоны, советские художественные произведения, сочинения по теории искусства и литературы непрерывно проникали в Китай. Их роль состояла в следующем: 1) советская литература влияла на мировоззрение китайских читателей, ее революционный дух и волнующие героические образы направляли все новых и новых людей на путь борьбы; 2) марксистская теория литературы и искусства, принятая представителями литературно-художественных кругов, стала вектором развития китайского литературного движения. Громадное влияние на литературу Китая также оказали советская политика в области литературы и искусства и движение за революционный дух. Среди выдающихся советских произведений, которые в то время играли важную роль: «Железный поток» А. С. Серафимовича (1863–1949), «Мать» М. Горького, «Разгром» и «Молодая гвардия» А. А. Фадеева (1901–1956), «Как закалялась сталь» Н. А. Островского (1904–1936), «Поднятая целина» М. А. Шолохова (1905–1984).

3) Конец 1930-х – 1940-е годы: вторая волна проникновения в Китай русской и советской литературы

В это время в китайском переводе выходили наиболее известные произведения русской классики: «Евгений Онегин» и «Полтава» А. С. Пушкина; «Ревизор» и «Женитьба» Н. В. Гоголя; «Бесприданница» и «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского (1823–1886); «Братья Карамазовы», «Идиот», «Записки из Мертвого дома», «Подро-

[42] Цюй Цю-бо (1899–1935) – революционер, публицист, прозаик, литературный критик, один из основателей Коммунистической партии Китая. Казнен Гоминьданом.

сток» Ф. М. Достоевского (1821–1881); «Война и мир», «Воскресение», «Анна Каренина» и «Юность» Л. Н. Толстого; «Степь» и «Вишневый сад» А. П. Чехова (1860–1904), и другие.

Общее количество отдельных изданий переводных книг до 1949 года весьма внушительно. С июня 1919 по октябрь 1949 года было выполнено 1045 переводов произведений русской и советской литературы, из которых: 401 – русская классическая литература, то есть примерно сорок процентов; 530 произведений советской литературы, то есть примерно половина; 114 – сочинения М. Горького, переводившиеся особенно часто и составлявшие примерно десятую часть от общего числа.

4.2. Вторая половина XX века

1) 1950-е годы: расширение двусторонних литературных связей

После 1949 года Китай в работе по культурным связям стал делать основной акцент на Советском Союзе и других социалистических государствах, и цели этого были совершенно ясны: усиливать пропаганду китайской революции, чтобы все большее число жителей этих стран поняло Новый Китай, и одновременно – перенимать чужой опыт и развивать собственную культуру.

Культурные связи между Китаем и СССР оказались не только самыми ранними, но и наиболее динамично развивающимися. Они охватили чрезвычайно широкий спектр областей: литературу, искусство, образование, здравоохранение, науку и технику, журналистику, радиовещание, кинематограф, духовное наследие, книжное и музейное дело. Связи стали весьма интенсивными, был ли то обмен делегациями или же информационными материалами, что сыграло крайне положительную роль в деле развития китайской культуры.

С 1950-х годов Китай начал ежегодно отправлять в СССР художественные коллективы с гастролями, а количество советских коллективов, посылаемых в Китай, было еще больше.

Семнадцать лет с момента установления дипломатических отношений между Китаем и СССР – с 1949 и до 1966 года – стали «золотым веком» взаимных визитов писателей и деятелей искусства. С китайской стороны это были такие люди, как писатель и ученый Го Мо-жо (1892–1978), писатель и общественный деятель Мао Дунь (1896–1981), литературовед Чжоу Ян (1907–1989), драматург Ся Янь (1900–1995), писатель и переводчик Ба Цзинь (1904–2005), писательница Дин Лин (1904–1986), писатель Чжоу Ли-бо (1908–1979), литературовед Чжэн Чжэнь-до (1898–1958), переводчик и писатель Цао Цзин-хуа (1897–1987), хореограф У Сяо-бан (1906–1995), композитор Хэ Лу-тин (1903–1999), скрипач и композитор Ма Сы-цун (1912–1987), скульптор Лю Кай-цюй (1904–1993), карикатурист Хуа Цзюнь-у (1915–2010), драматург и эссеист Ду Сюань (1914–2004), переводчик Цзинь Жэнь (1910–1971), композитор и общественный деятель Чжао Фэн (1916–2001), певица Го Лань-ин (р. 1930), музыкант Люй Цзи (1909–2002), певица Хуан Хун (р. 1928), актер и режиссер Чжэн Цзюнь-ли (1911–1969), режиссер и драматург Чжан Цзюнь-сян (1910–1996), актрисы Бо Ян (1920–1996), Чжан Жуй-фан (1918–2012) и Цинь И (р. 1922), актер и режиссер Сунь Дао-линь (1921–2007), режиссер и сценарист Цай Чу-шэн (1906–1968), переводчик А Лян, артисты цирка Ян Сяо-тин (1910–1981) и Ся Цзюй-хуа (р. 1937), пародист Сунь Тай (1906–2003), а также посланные в те годы на учебу СССР молодые работники искусства Ли Дэ-лунь (1917–2001), Янь Лян-кунь (1923–2017), Чжэн Сяо-ин (р. 1929), Чжэн Син-ли (1926–2012), Шэн Чжун-го (1941–2018) и Инь Чэн-цзун (р. 1941). С советской стороны участвовали писатели и поэты И. Г. Эренбург (1891–1967), Н. С. Тихонов (1896–1979), А. А. Фадеев, К. М. Симонов (1915–1979) и Б. Н. Полевой (1908–1981), артисты балета Г. С. Уланова (1910–1998), М. М. Плисецкая (1925–2015), Т. А. Зимина (р. 1928) и И. А. Моисеев (1906–2007), актер и режиссер С. Ф. Бондарчук (1920–

1994), кинорежиссер С. А. Герасимов (1906–1985), композитор А. Г. Но́виков (1896–1984) и пианист П. А. Серебряков (1909–1977).

2) Два периода расцвета переводов и исследований китайской литературы в СССР

Изучение китайской литературы в СССР во второй половине XX века прошло через следующие этапы.

Первый – расцвет переводов в 1950-х годах.

Вслед за освобождением материкового Китая китайская литература хлынула в СССР бурным потоком. С 1949 по 1960 год на русский язык была переведена тысяча китайских произведений, они вышли общим тиражом до 43 миллионов экземпляров и печатались также на языках народностей СССР.

За это десятилетие было опубликовано множество сочинений, от древних до современных. Каждый тираж достигал пятидесяти, а то и ста тысяч экземпляров. В это время впервые вышел полный перевод «Ши цзин»[43], выполненный А. А. Штукиным (1904–1963), а четырехтомник китайской поэзии, выпущенный под редакцией Н. Т. Федоренко (1912–2000), представил произведения с глубокой древности до середины XX века. Издавались также отдельные сборники знаменитых поэтов: Бо Цзюй-и (772–846), Ду Фу (712–770), Ли Бо (701–762/763), Ван Вэя (ок. 701–761), Цюй Юаня (340?–278 гг. до н. э.) и многих других.

Тогда же впервые вышли переводы важнейших китайских классических романов: «Саньго яньи»[44], «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»), «Шуй ху чжуань»[45], «Си ю цзи»[46], «Жулинь вайши»[47], «Цзин хуа юань»[48]. Были напечатаны многоглавные романы конца эпохи Цин, которые редко публикуются на Западе, – «Лао Цань ю цзи»[49] и «Не хай хуа»[50].

В этот период издавались собрания сочинений наиболее значимых современных писателей Китая, таких как Лу Синь, Го Мо-жо, Ба Цзинь, Мао Дунь, Лао Шэ (1899–1966), Е Шэнтао (1894–1988), Дин Лин. Однако печатали и произведения менее известных литераторов – Ма Фэна (1922–2004), Ли Чжуня (1928–2000), Чжоу Ли-бо, Ян Шо (1913–1968), Ай У (1904–1992), Чэнь Дэн-кэ (1919–1998), Цинь Чжао-яна (1916–1994) и Фэн Дэ-ина (1935–2022).

---

[43] «Ши цзин» («Книга песен») – самая древняя антология китайской поэзии, входящая в конфуцианские своды классической литературы; создание «Ши цзин» традиция уверенно приписывает Конфуцию.

[44] «Саньго яньи» («Троецарствие») – исторический роман-эпопея, написанный знаменитым литератором Ло Гуань-чжуном (ок. 1330–1400) и повествующий об эпохе междоусобиц II–III веков.

[45] «Шуй ху чжуань» («Речные заводи») – многоглавный роман Ши Най-аня (ок. 1296–1370) о приключениях благородных разбойников.

[46] «Си ю цзи» («Путешествие на Запад») – роман У Чэн-эня (1500–1582), описывающий невероятное и полное приключений путешествие монаха Сюань-цзана и его спутников, которые отправились в Индию, чтобы добыть буддийские сутры. В основе сюжета лежит история реального Сюань-цзана (602–664): в начале эпохи Тан он совершил семнадцатилетнее паломничество в Индию, откуда привез значительное количество буддийских текстов, впоследствии переведенных на китайский язык. – *Примеч. ред.*

[47] «Жулинь вайши» («Неофициальная история конфуцианцев») – роман литератора У Цзин-цзы (1701–1754), сатирически изображающий чиновников и представителей ученого сословия. Действие романа происходит в эпоху Мин, однако на самом деле У Цзин-цзы обличает нравы современного ему цинского общества. – *Примеч. ред.*

[48] «Цзин хуа юань» («Цветы в зеркале») – многоглавное произведение цинского писателя Ли Жу-чжэня (1763?–1830), сочетающее в себе черты фантастического, исторического и сатирического романа; первая часть романа посвящена путешествиям героев, вторая содержит повествование об ученых девах, которое сопровождается многообразными сведениями энциклопедического характера. – *Примеч. ред.*

[49] «Лао Цань ю цзи» («Путешествие Лао Цаня») – небольшой роман Лю Э (1857–1909) о странствованиях лекаря Лао Цаня и о его наблюдениях за жизнью людей. – *Примеч. ред.*

[50] «Не хай хуа» («Цветы в море зла») – роман литератора Цзэн Пу (1872–1935), рисующий широкую картину политической и социальной жизни в Китае второй половины XIX века. – *Примеч. ред.*

На втором этапе в 1960–1970-х годах область переводов расширилась, а в 1980-х годах случился новый расцвет. За эти двадцать с лишним лет сфера переводов постепенно распространилась на самые разные жанры. Можно сказать, что на основе изданий 1950-х годов была проделана работа по заполнению лакун.

В области поэзии печатались сборники стихотворений Бо Цзюй-и, Тао Юань-мина (365?–427), Цао Чжи (192–232), Су Дун-по (1037–1101), Синь Ци-цзи (1140–1207), Лу Ю (1125–1210), Ли Цин-чжао (1084–1155). Также выходили книги, включавшие произведения многих поэтов.

Проза переводилась как с классического языка *вэньянь*, так и с разговорного языка *байхуа*. В это время, к примеру, был издан неполный перевод романа «Цзинь пин мэй»[51]. В 1970–1980-х годах в СССР, как и в самом Китае, классические романы печатались в частичном переводе и с сокращениями – в целях популяризации среди подрастающего поколения.

В области бессюжетной прозы появились переводы таких авторов, как отец китайской историографии Сыма Цянь (ок. 145–86 гг. до н. э.), литератор и одописец Цзя И (ок. 201–168 гг. до н. э.) и других.

Количество переводов современной литературы в сравнении с литературой классической уменьшилось, самой заметной стала серия сборников китайской поэзии в переводах Л. Е. Черкасского (1925–2003), а также переводы прозы Лу Синя, Мао Дуня, Ба Цзиня, Е Шэн-тао, Дин Лин, Ван Лу-яня (1901–1944), Ван Тун-чжао (1897–1957), Бин Синь (1900–1999), У Цзу-сяна (1908–1994), Сюй Ди-шаня (1894–1941) и Лао Шэ.

За семьдесят с лишним лет в СССР было опубликовано немалое число произведений китайских писателей и поэтов. В начале 1980-х годов стали выходить книги знаменитой серии «Библиотека китайской литературы».

3

Проанализировав исторический контекст, мы обнаруживаем, что взаимные связи Китая и России оказались плодотворными и каждая сторона сформировала в этом отношении собственные традиции.

1. Российская сторона

Во-первых, давняя история и непрерывность. С российской стороны, это история в триста лет, если отсчитывать с XVIII века, когда китайские литературные произведения проникли в Россию. Если вести отсчет с журнальных переводных публикаций XVII века, получится почти четыре столетия. Если же принять во внимание косвенные и прямые контакты Китая и России с древности по XVII век, то наша общая история станет еще длиннее.

На протяжении трех столетий взаимных связей переводы и исследования продолжались непрерывно. За это время интерес к китайской культуре в России значительно повышался четырежды: первые два раза мы говорим о «китайском поветрии» в начале XVIII века и о переводах китайской классики во второй половине XIX века; вторые два относятся к 1950-м и 1980-м годам, когда издавалось огромное количество литературных произведений и были установлены всесторонние литературные связи.

Во-вторых, расширение сферы исследований, их многочисленные результаты. Писали обо всем: от канонических произведений до мифов и простонародной литературы, от коротких стихотворений до таких монументальных шедевров, как многоглавные романы. Также велись

[51] «Цзинь пин мэй» («Цветы сливы в золотой вазе») – первый китайский реалистический и эротико-бытописательный многоглавный роман анонимного автора XVI века.

исследования текстов и изучение их авторов – с акцентом на шедевры, которые могли бы способствовать общественному просвещению, особенно прогрессу и революционной идеологии (см., к примеру, книгу Т. С. Заяц (р. 1945) «Цю Цзинь. Жизнь и творчество» – биографию первой китайской революционерки, «женщины-рыцаря с Цзяньху» Цю Цзинь[52]).

В-третьих, оформилась традиция научных изысканий, которая задала высокий академический тон. Переводческое сообщество не ограничивалось одними лишь переводами, но совмещало их с исследованиями; не просто писало предисловия и примечания к переводам, но создавало специализированные работы, посвященные им. Научный мир полагает написание таких работ честью, рост талантливых ученых происходит по установленным стандартам: новое создается с опорой на достижения предшественников и с учетом преемственности знаний.

В-четвертых, в работе переводчиков сложились организация, единое планирование и разделение сфер. Одни специалисты отвечали за прозу, поэзию, драму, теорию литературы, другие – следили за историей развития науки и ее современным состоянием, указывали на недостатки и предлагали направление будущих исследований.

В XX веке синологические исследования вошли в полную силу, сформировалась мощная плеяда ученых. Среди них особенно заметны исследователи литературы, четверо из которых последовательно были избраны в члены Академии наук: В. М. Алексеев, С. Л. Тихвинский (1918–2018), В. С. Мясников (р. 1931) и М. Л. Титаренко (1934–2016) – это лидеры китаеведения в области литературы, а также истории и философии. Избранный в академики в начале XXI века Б. Л. Рифтин первым из российских китаеведов 22 декабря 2003 года получил присуждаемую Министерством образования Китая награду «За исследование китайского языка и культуры».

2. Китайская сторона

Во-первых, в начале XX века действовали три группы людей, которые под влиянием Октябрьской революции и «Движения 4 мая» способствовали распространению русской и советской литературы в Китае. Это, прежде всего, революционеры и деятели революционной культуры. Далеко не все они владели русским языком, однако, чтобы узнать о новых идейных течениях и новой культуре, они знакомились с произведениями российских авторов в переводах на иностранные языки. К таким деятелям относятся один из первых китайских марксистов Ли Да-чжао (1888–1927), революционер и политик Чэнь Ду-сю (1879–1942), Лу Синь, Мао Дунь, Го Мо-жо и Чжэн Чжэ нь-до.

Также это лица, которые отправились прояснить положение дел непосредственно в Советскую Россию. Они владели русским языком и могли описать ее новые фактические реалии. Первым, кто приехал в новую Россию, был Цюй Цю-бо, создавший под впечатлением от поездки два сборника эссе. В свою очередь переводчик «Интернационала» на китайский Гэн Цзи-чжи (1899–1947) за время пребывания в СССР перевел целый ряд классических произведений русской литературы.

Наконец, это педагоги, которые создали школы русского языка в Китае. В первую очередь это Чжан Си-мань (1895–1949), оказавшийся в России в юности и глубоко уяснивший характерные национальные особенности Советской России, – он посвятил себя революции и преподавательской практике, работал в библиотеке Пекинского университета, работал в нескольких учебных заведениях Пекина и сделал много переводов. Будучи профессором русского языка, он представил самую первую в начале XX века серию учебных материалов: «Эвэнь

[52] Цю Цзинь (1875–1907) – китайская феминистка, революционерка, журналистка, включившаяся в антиманьчжурскую борьбу и издававшая первый в Китае журнал для женщин. Была казнена. Героиня фильма «Женщина-рыцарь с Цзяньху», приуроченного к столетию Синьхайской революции 1911 года.

вэньфа» («Грамматика русского языка») в 1922 году, «Чжундэн эвэнь дянь» («Русская классика для средней школы») в 1923 году и «Синь Элосы ду бэнь» («Новая Россия. Хрестоматия») в 1925 году. Чжан Си-мань стал родоначальником истории преподавания русского языка в Китае.

Во-вторых, с конца 1920-х по 1949 год прогресс шел медленно, однако область распространения была чрезвычайно широка. В этот период выделялись три группы лиц, поддерживавших связи Китая и СССР. В первую очередь, это люди, которые состояли в различных союзах и организациях, к примеру, Цюй Цю-бо и Чжоу Ян из объединения «Цзо лянь»[53], Чжан Симань, Цао Цзин-хуа и Гэ Бао-цюань из «Чжун Су вэньсе»[54], переводчик Цзян Чунь-фан (1912–1987), редактор Е Шуй-фу (1920–2002) и издатель и переводчик Сунь Шэн-у (1917–2014) из издательства «Шидай чубаньшэ». Влияние составленной и переведенной Гэ Бао-цюанем серии «Сулянь фанькан фасисы чжаньчжэн вэньсюэ ицун» («Переводы советской антифашистской военной литературы») было огромным, позднее он стал родоначальником изучения проблем китайско-русских литературных связей. В свою очередь Цао Цзин-хуа стал знаменем переводческого сообщества, работавшего над советской революционной литературой.

Далее, это китайские деятели, которые работали в СССР, в московском «Издательстве иностранной литературы», такие как поэт и переводчик Сяо Сань (1896–1983), Вэй Чжэнь, военный специалист Чэнь Чан-хао (1906–1967) и один из основателей КПК Ли Ли-сань (1899–1967). В основном они переводили книги по марксизму-ленинизму и революционную литературу.

Наконец, это педагоги, учившие русскому языку в различных вузах, такие как Чжан Вэньтянь (1900–1976) и Ши Чжэ (1905–1998) из Университета марксизма-ленинизма в Яньане, а также группа воспитанников Школы иностранных языков в Яньане, которые после Освобождения стали основой преподавательского состава вузов, обучающих русскому языку. На территориях, подконтрольных Гоминьдану, работал выпускник Ленинградского университета Лю Цзэ-жун (1892–1970).

В-третьих, с 1950-х по 1980-е годы появилась плеяда талантливых специалистов, чья переводческая и исследовательская деятельность была весьма плодотворна. В 1950-х годах, когда широко распространилось углубленное изучение русского языка и литературы, Лю Цзэ-жун, Цао Цзин-хуа и Гэ Бао-цюань стали признанными лидерами научного сообщества.

Начиная с 1930–1940-х годов Лю Цзэ-жун преподавал в Пекинском университете, Университете Цинхуа и в Юго-Западном объединенном университете. В 1936 году он издал «Эвэнь вэньфа» («Грамматика русского языка»), в 1960 году под его редакцией вышел «Э Хань да цыдянь» («Большой русско-китайский словарь») – это книги, которые есть у каждого специалиста! После 1949 года он работал в Управлении переводов ЦК КПК, был советником в Центральном бюро переводов, в издательствах «Шанъу иньшугуань» и «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ», консультировал по вопросам книг на русском языке, и его уровень знаний и успехи не имели себе равных в научном сообществе.

Цао Цзин-хуа в течение долгого времени преподавал в Пекинском университете, он создал учебные курсы «Русская и советская литература». «Цао Цзин-хуа ичжу вэньцзи» («Собрание переводов Цао Цзин-хуа») в тринадцати томах и «Эго вэньсюэ ши» («История русской и советской литературы») в трех – вот его наследие. Согласно подсчетам по «Чжунго фаньицзя цыдянь» («Словарь китайских переводчиков») и «Чжунго цзоцзя да цыдянь» («Большой словарь китайских писателей»), в эти справочники включено около 150 человек. Треть из упомянутых переводчиков и писателей принадлежат к старшему поко-

[53] «Цзо лянь» («Лига левых писателей») – союз писателей марксистских и леволиберальных взглядов, основанный в 1930 году в Шанхае Лу Синем и Цюй Цю-бо. Был распущен в 1936 году.

[54] «Чжун Су вэньсе» («Китайско-советское культурное общество») существовало с 1938 по 1947 год.

лению. Среди них: Юй Чжэнь (1909–1996), Цзян Лу (1920–2001), Е Шуй-фу, Лэй Жань (1918–2009), Жу Лун (1916–1991), Лю Ляо-и (1915–2001), Ли Ни (1909–1968), Фан Синь (1902–1963), Люй Ин (1915–1969), Лян Сян (1916–2008), Мэн Чан (1911–2006), Синь Вэй-ай (1920–2002), Чжа Лян-чжэн (1918–1977), Вэй Хуан-ну (1918–2006), Мань Тао (1916–1978), Гэ И-хун (1913–2005), Дун Цю-сы (1899–1969) и Шэн Цао-ин (1923–2015).

У Гэ Бао-цюаня есть заслуги как в изучении китайско-русских литературных связей, так и в исследовании культурных обменов между Китаем и Россией. Он стал широко известен благодаря книге «Чжун вай вэньсюэ иньюань» («Судьбы китайской и зарубежной литератур»), изданной в 1992 году, и вышедшему в 1993 году «Гэ Бао-цюань вэньцзи» («Собрание сочинений Гэ Бао-цюаня») в шести томах.

1 раздел. Литературные связи Китая и России в XVIII–XIX веках

Глава 1. Первые появления китайской литературы в России

Культурные связи между Китаем и Россией возникли в конце XVII века. Литературные связи появились чуть позднее, что, согласно имеющимся свидетельствам, произошло после 1715 года, то есть в начале XVIII века. Первоначально это были переводы с других языков, и только потом начался перевод непосредственно с китайского. В XVIII и XIX веках процесс шел только в одну сторону, из Китая в Россию, и лишь в конце XIX – начале XX века, когда русская литература проникла в Китай, переводы литературы стали двусторонними.

1. «Китайское поветрие» и рождение российского китаеведения

Китай – древняя цивилизация, пятитысячелетняя история ее культуры оставила великолепное литературное наследие. Необычайное очарование, каким обладает это наследие, естественным образом привлекает внимание народов разных стран, потому оно непрерывно распространяется за пределами государства. Китайская литература проникала в иные страны постепенно, от ближних к дальним: сначала в Азию, затем дошла до Европы, а в конце достигла и Америки.

Первая волна ее распространения вовне случилась в эпоху Тан. Более сорока стран Юго-Восточной и Центральной Азии в то время поддерживали политические, экономические и культурные контакты с Китаем, например Япония, Корея, Индия и Арабский халифат, и китайская литература свободно распространялась среди всех этих дружественных соседей.

Вторая волна пришлась на XVIII век, когда китайская литература начала оказывать влияние на Европу. Путевые записки М. Поло (1254–1324) и различные материалы, которые отправляли на родину миссионеры, приезжавшие в Китай с XVI по XVII век, пробуждали интерес Запада к Китаю. Это постепенно привело к появлению «китайского поветрия» в XVIII веке. Француз Н. Триго (1577–1628) в 1626 году перевел на латынь «У цзин»[55]. В 1735 году Ж. де Премар (1666–1736) опубликовал французские переводы «Ши цзин» («Книга песен») и «Шу цзин» («Книга документов»). Годом ранее Премар частично перевел юаньскую драму «Чжао ши гу эр» («Сирота из рода Чжао») Цзи Цзюнь-сяна; затем она появилась в Англии, Германии и России. Драма дошла до Вольтера, который переделал ее в пьесу «Китайский сирота», значительно повлиявшую на литературу. В начале XIX века немецкий поэт И. В. Гёте (1749–1832) восторженно отозвался о многоглавном романе «Хао цю чжуань» («Счастливый брак»), что способствовало распространению китайской литературы.

«Китайское поветрие», которое возникло во Франции и распространилось по Европе, повлияло и на Россию. Пьеса «Китайский сирота» Вольтера, высоко ценившего классические конфуцианские сочинения, произвела большое впечатление на российские литературные круги. В 1788 году В. Н. Нечаев (? – после 1829) перевел пьесу на русский язык. Еще

[55] «У цзин» («Пятикнижие») – то есть древнейшие памятники «И цзин» («Книга перемен»), «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга документов»), «Ли цзи» («Записи о ритуале») и летопись «Чунь цю» («Вёсны и осени»); свод текстов, которые лежат в основе традиционной китайской конфуцианской культуры. «Шу цзин» – один из наиболее почитаемых памятников, собрание записей преданий, мифов, исторических событий, правительственных обращений, поучений сановникам и т. п. «Ли цзи» – одна из основополагающих книг конфуцианского канона, описывающая идеальную модель социального устройства; приписывается Конфуцию. «Чунь цю» – древнекитайская летопись, анналы царства Лу, охватывают период с 722 по 479 год до н. э. Полный архивный перевод летописи на русский язык с подробными современными примечаниями издан в 1999 году.

до того в 1759 году драматург А. П. Сумароков (1717–1777) опубликовал отрывок из «Чжао ши гу эр» в переводе с немецкого под названием «Монолог из китайской трагедии, называемой “Сирота”». Писатель А. Н. Радищев (1749–1802), пребывая в Сибири, создал «Письмо о китайском торге»; поэт А. Д. Кантемир (1708–1744) отмечал «странный китайский ум»; в стихах Г. Р. Державина неоднократно упоминалась китайская культура. Кроме того, драматург Д. И. Фонвизин перевел с французского языка конфуцианский канон «Да сюэ» («Великое учение»). Журналы, которые возглавлял Н. И. Новиков, в 1770 году напечатали два сочинения, восхвалявших китайских правителей. В февральском выпуске «Трутня» был опубликован «Чензыя китайского философа совет, данной его государю» – отрывок из «Вэй тай чжун шан Хуанди ин чжаошу» («Письмо, написанное к императору по повелению Великого увещевателя») Чэн И. Второй материал – «Юнчжэн ди чуань цзы ичжао» – появился в июльском выпуске «Пустомели» в переводе А. Л. Леонтьева под названием «Завещание Юнджена китайского хана к его сыну».

Н. И. Новиков

За сто лет в России три властителя способствовали созданию атмосферы «китайского поветрия»: император Петр I, который отправил в Пекин духовную миссию, императрица Елизавета Петровна, по повелению которой возводились строения в китайском стиле, и императрица Екатерина II, которая содействовала литературному творчеству, открывала журналы и пропагандировала идеальную китайскую систему управления.

2. Православная миссия в Китае

Русская духовная миссия в Пекине действовала почти 250 лет и каждые десять лет обновлялась. До Октябрьской революции она одновременно выполняла три функции: миссионерскую, дипломатическую и культурного обмена. Каждый посланник оставался в Китае как минимум десять лет, а некоторые жили там на протяжении нескольких миссий – самый долгий срок пребывания составил 33 года. Задачи приезда были недвусмысленны: изучить язык, понять страну и собрать материалы для изучения Китая.

Классические памятники китайской культуры – от «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «Чжун юн» («Срединное и неизменное») до частей «Да Цин итунчжи» («Всеобщее описание Великой Цин»), «Юань ши» («История Юань») Сун Ляня (1310–1381) и «Тунцзянь ганму» («Главное из “Всеобщего зерцала”») Чжу Си (1130–1200) – впервые на русский язык были переведены членами духовной миссии. Они же составили и первый большой китайско-русский словарь. Эти православные священники и миряне стояли у истоков изучения Китая, и именно из их рядов сформировалась группа людей, ставших известными китаеведами. Среди них были первые в России преподаватели китайского и маньчжурского языков Д. П. Сивиллов (1798–1871), И. П. Войцеховский (1793–1850), К. А. Скачков (1821–1883), И. И. Захаров (1814–1885), Д. А. Пещуров (1833–1913), а также китаеведы начального периода – И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, А. Г. Владыкин (1757–1812), П. И. Каменский (1765–1845), П. И. Кафаров (1817–1878), В. П. Васильев и Н. Я. Бичурин.

3. Н. Я. Бичурин – основатель российского китаеведения

Н. Я. Бичурин был настоятелем Казанского Иоанновского монастыря, затем стал настоятелем Вознесенского монастыря в Иркутске. В 1807 году он занял пост главы девятой православной миссии, а в январе 1808 года прибыл в Пекин. С этого времени он полностью посвятил себя изучению китайской культуры.

Н. Я. Бичурин

Первые русские православные миссии в Китае отдавали все силы изучению китайского, маньчжурского и монгольского языков, однако сталкивались с огромной трудностью на этом пути – отсутствием учебников и китайско-русских словарей. Бичурин начал работать именно над таким словарем. Чтобы подобрать глоссарий живого разговорного языка, он, облачившись в китайскую одежду, ходил по рынкам и лавкам, спрашивая и записывая, как называется тот или иной предмет, отмечая, как это произносится. Так Бичурин составил шесть словарей. Кроме «Словаря китайско-русского, расположенного по русскому алфавиту», он также создал монументальный «Тонический китайско-русский словарь». Эта книга стоила ему громадных усилий, Бичурин переписывал ее четыре раза, потом тщательно отредактировал в соответствии со словарем «Кан-си цзыдянь»[56] и наконец расположил статьи в порядке, соответствующем фонетике русского алфавита. Получилось девять томов.

[56] «Кан-си цзыдянь» – уникальный словарь иероглифов, составленный по августейшему указу в 1710–1716 годах, в прав-

За четырнадцать лет пребывания в Пекине Бичурин собрал большое количество литературы и других материалов. Когда в 1821 году он возвращался на родину, вес сопровождавшего его груза составлял четырнадцать тысяч английских фунтов (чуть больше 6300 кг), и среди прочего одних только книг на китайском и маньчжурском языках там было двенадцать ящиков. Добытые Бичуриным книги везли пятнадцать верблюдов.

В сферу научных интересов Бичурина входили китайская философия, экономика, политика, этика, проживающие в Китае национальности и местные обычаи – результаты его исследований и переводов могут составить энциклопедическую серию. В 1828 году было издано переведенное им «Сицзан чжи» («Описание Тибета»); в 1829 году – «Чжуньгаэр хэ Дун Туэрцисытань чжи» («Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана»), «Бэйцзин гайлань» («Описание Пекина»), «Чэнцзисыхань цзяси цянь сы хань ши» («История первых четырех ханов из дома Чингисова») и «Сань цзы цзин» («Троесловие»); в 1833 году – «Сицзан хэ Цинхай ши» («История Тибета и Хухунора»). Увидели свет и его собственные крупные сочинения: «Записки о Монголии» в 1828 году, «Историческое обозрение ойратов, или калмыков» в 1834 году; а также статьи «Ежедневные упражнения китайского государя» в 1828 году, «Земледельческий календарь китайцев» в 1830 году, «Статистические сведения о Китае» в 1837 году, «Взгляд на просвещение в Китае» в 1838 году, в 1839 году – «Меры народного продовольствия в Китае» и «Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными». Главные его труды – «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение» 1840 года и «Статистическое описание китайской империи», опубликованное в 1842 году.

В 1828 году за научные достижения Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по разряду литературы и древностей Востока.

Кроме того, в 1831 году в Кяхте Бичурин открыл школу китайского языка с целью воспитывать будущих синологов. Это было первое учебное заведение подобного рода. Бичурин преподавал там сам, а в 1838 году вернулся в Петербург. Школа проработала тридцать лет и за это время взрастила немало талантливых выпускников. Бичурин способствовал окончательному оформлению русского китаеведения, в его время появились ученые, достигшие успехов в разных исследовательских областях. Эти успехи не ограничивались одними лишь переводами, но совмещали в себе и переводы, и исследования – основы обучения и методы исследования были сформированы.

ление императора Кан-си, и долгое время считавшийся стандартом.

Глава 2. Пути распространения китайской классической литературы в России

Российское китаеведение появилось несколько позднее, нежели в западноевропейских государствах, и в исследовательских материалах и источниках информации, безусловно, заимствовало опыт опередивших Россию стран. Однако Китай и Россия – соседи, между ними существует удобное транспортное сообщение и происходит большое количество разных контактов, что дает преимущества для получения исторических материалов. Все это и определило множественность каналов, уровней и направлений проникновения в Россию китайской литературы и известий о Китае.

1. Китайские литературные произведения в переводах с западноевропейских языков

В XVIII веке в России начали переводить китайские литературные произведения с их переводов на западноевропейские языки. В октябрьском выпуске журнала «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» за 1763 год был опубликован рассказ под названием «Китайская повесть» – переложение «Чжуан-цзы сю гупэнь чэн да Дао» («Чжуан-цзы постигает великое Дао»), двадцатой повести из сборника «Цзинь гу ци гуань»[57], скомпилированное из английского и французского переводов. В 1785 году этот рассказ снова был переведен на русский язык и попал в выпущенный в Петербурге сборник прозы под названием «Тшуанг-Тзе и Тиена, или Открытая неверность».

В 1788 году вышло собрание арабских, турецких, китайских, английских и французских пасторальных и волшебных рассказов, и один из них, «Вознагражденная добродетель», был переводом с английского языка повести «Люй далан хуань цзинь вань гужоу» («Люй Старший возвращает деньги и обретает вновь свою семью») – тридцать первой повести из «Цзинь гу ци гуань».

Появлялись и другие спорадические переводы, публиковавшиеся в периодике, но для тех из них, которые названы китайской прозой, в реальности трудно найти соответствующий оригинальный текст. Таковы, например, «Китайский рассказ», напечатанный в петербургском журнале «Собрание новостей» в 1775 году, «Благодетель и мудрец. Китайская повесть», появившаяся в первом номере за 1792 год московского журнала «Чтение для вкуса, разума и чувствований», или напечатанный в пятом номере этого журнала за тот же год рассказ «Друг». Согласно исследованиям академика Б. Л. Рифтина, все эти «переводы» по большей части были написаны на Западе и китайской прозой в действительности не являлись.

Что касается переводов раннего времени, то в Китае отсутствуют соответствующие периодические издания и документы. Приводимые здесь сведения взяты из статьи Б. Л. Рифтина «Русские переводы китайской литературы в XVIII – первой половине XIX века» и из справочника «Библиография Китая» П. Е. Скачкова (1892–1964).

[57] «Цзинь гу ци гуань» («Удивительные истории нашего времени и древности») – сборник китайских городских повестей XIII–XVII веков. Существует несколько раз издававшийся выборочный перевод на русский язык.

2. Китайские литературные произведения в прямом переводе с китайского и маньчжурского языков

С началом XIX века русское китаеведение вступило в новый этап развития: число переводов увеличилось, а выполнять их стали не только с европейских языков, но и непосредственно с языка оригинала.

В это время по-прежнему больше всего переводили сюжетную прозу. Так, в одиннадцатом номере журнала «Друг юношества» за 1810 год появились «Китайские анекдоты», среди которых оказался сокращенный перевод «Куа мяошу данькэ ти цзинь» («Алхимики, хвастающиеся своим искусством, похищают серебро») – повести тридцать девятой из «Цзинь гу ци гуань». В 1821 году «Журнал департамента народного просвещения» опубликовал другие «Китайские анекдоты», которые якобы были переведены с рукописи на маньчжурском языке, в том числе переложение повести «Лян сяньлин цзин и хунь гунюй» («Начальники двух уездов борются за честь жениться на сироте») – это первая повесть из «Син ши хэн янь»[58]. В 1839 году в журнале «Сын отечества» снова появились одиннадцать «Китайских анекдотов» – переводы были сделаны А. Г. Владыкиным с китайского и маньчжурского языков, в их числе классические истории о сыновней почтительности, такие как «Ван Сян ложится на лед», «Госпожа Тан кормит свекровь грудью», а кроме того «Три переезда матушки Мэн»[59].

Также на русском языке появлялись и многоглавные китайские романы. Владыкин перевел с маньчжурского языка «Цзинь, Юнь, Цяо чжуань»[60]; в 1827 году был напечатан отрывок из «Юй, Цзяо, Ли», в 1843 году – первая глава из «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»). Переводились истории на *вэньяне* из сборника «Ляо Чжай чжи и» («Рассказы Ляо Чжая о необычайном»).

Китайская драма, поэзия и бессюжетная проза тоже были представлены в России. В 1829 году в шестом, июньском, выпуске журнала «Атеней» появилось короткое эссе «Дочь ученого отмщенная», впервые познакомившее читателя с сюжетом пьесы «Доу Э юань»[61], а также краткое изложение пьесы «Юанье лю се цзи»[62]. В 1839 году появился первый перевод китайской драмы на русский язык, опубликованный под названием «Фаньсу, или плутовка горничная» в номере 35 журнала «Библиотека для чтения». Переводчик Р. А. Байбаков – под этим псевдонимом выступил основатель журнала О. И. Сенковский (1800–1858) – указывал, что автор оригинального текста – юаньский драматург Чжэн Гуан-цзу (1264–?), то есть на самом деле это драма «Мэй сян» («Аромат сливы *мэй*»). В 1847 году была переведена пьеса «Пипа цзи» («Лютня») поэта и драматурга Гао Мина, она вышла отдельным изданием в Петербурге. В области поэзии примечателен перевод стихотворения «Тэн ван гэ сюй» («Повествование о палатах Тэнского вана») танского поэта Ван Бо, опубликованный в 1874 году.

---

[58] «Син ши хэн янь» («Слово вечное, мир пробуждающее») – один из трех знаменитых минских сборников городских повестей Фэн Мэн-луна (1574–1646); предисловие датировано 1627 годом; ряд повестей переведен на русский.

[59] Речь идет о почтительном сыне Ван Сяне (184–268): когда больная мачеха стала просить свежей рыбы, он растопил теплом своего тела лед и добыл пару карпов. Вторая история – о почтительной госпоже Тан, которая кормила свекровь собственным молоком, поскольку у той выпали все зубы и она не могла жевать. Последняя история – о том, как мать будущего знаменитого философа Мэн-цзы постоянно переезжала в поисках наилучшего места для воспитания сына.

[60] «Цзинь, Юнь, Цяо чжуань» («Повествование о Цзине, Юнь и Цяо») – любовно-авантюрный роман анонимного цинского автора о жизни прекрасной девушки, попадающей в трудные обстоятельства, но благополучно воссоединяющейся с любимым.

[61] «Доу Э юань» («Обида Доу Э») – одна из наиболее известных пьес признанного классика юаньской драмы Гуань Ханьцина (?–1306?), рассказывающая о несчастной судьбе дочери бедного ученого, в юные годы отданной отцом за долги в семью ростовщицы; угрозами ее заставляют вторично выйти замуж, обвиняют в убийстве, но Доу Э готова пойти на смерть ради свекрови. Ее казнят, а вернувшийся за дочерью отец мстит всем ее обидчикам. Дважды переводилась на русский язык.

[62] «Юанье лю се цзи» («Туфли, оставленные в первую ночь года») – пьеса юаньского эссеиста и драматурга Цзэн Жуя (XIII в.), рассказывающая о любви торговки румянами и провалившегося на экзаменах ученого Го.

3. Распространение информации о китайской литературе

3.1. Поездки и книгообмен

Китай, в отличие от России, со своей стороны присылал не так много дипломатов. Из имеющихся записей нам известно, что Хун Цзюнь, прибывший послом в Россию в 1887 году, ознакомился здесь с сочинением персидского ученого Рашид ад-Дина (1247?–1318) «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») в переводе И. Н. Березина (1818–1896), а также с четырехтомной «Историей монголов» А. К. М. д'Оссона (1779–1851), что позволило ему провести исследования истории эпохи Юань и создать «Юань ши ивэнь чжэн бу» («Дополнения "Истории Юань" из переводных текстов»).

То же и другие китайские официальные лица, например, Бинь Чунь, который был направлен в Россию в 1866 году и, прибыв в Санкт-Петербург, дважды посетил театральные представления. Согласно имеющимся свидетельствам, Чжан Дэ-и, переводчик при после Го Сунтао, в 1879 году смотрел балет в императорском дворце. Еще позднее, в 1888 году, преподаватель и библиограф Мяо Цюань-сунь, будучи в Санкт-Петербурге, посетил Академию естественных наук, Академию художеств и книгохранилище старых и новых книг разных стран (Гэ Бао-цюань полагает, что это, соответственно, Российская академия наук, Академия художеств и Императорская публичная библиотека), а также встретился с китаеведом В. П. Васильевым. Посол Ван Чжи-чунь в «Ши Э цао» («Наброски посланного в Россию») указал, что в 1895 году в Санкт-Петербурге в Большом императорском театре смотрел балет «Гусиный пруд» (то есть «Лебединое озеро»), а во время посещения библиотеки видел хранящиеся там китайские сочинения «Си сян цзи» («Западный флигель») и «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»).

Лидер движения за вестернизацию Ли Хун-чжан прибыл в Россию во главе дипломатической делегации и в 1896 году в Москве присутствовал на коронации императора Николая II. Он также посетил проводившуюся в Нижнем Новгороде Всероссийскую промышленную и художественную выставку и Московскую школу для слепых, где обучался будущий писатель В. Я. Ерошенко. Свидетельства о пребывании Ли Хун-чжана в России содержатся в книгах русских писателей, к примеру, посещение выставки описано в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Как в своих записках отмечал академик Алексеев, Ли Хун-чжан не мог понять оперу, и когда на сцене исполнитель начал громко петь, он в ужасе вскочил и бросился прочь, сказав: «Это невыносимо! Как будто тигр зарычал!»

Важной частью официальных культурных контактов стало взаимное дарение книг. В 1845 году цинское правительство преподнесло российской стороне хранившееся в пекинском храме Юнхэгун буддийское сочинение «Данчжуэр цзин» («Данчжур») более чем в восьмистах тетрадях. Вскоре российское правительство в качестве ответного дара передало партию книг Палате по делам инородцев. Хэ Цю-тао в «Элосы цзиньчэн шуцзи цзи» («Записки о книгах, преподнесенных Россией») из сочинения «Шофан бэй чэн» («Полные анналы севера») отметил, что русское правительство «сняло копии со всех имеющихся книг и прислало в дар, всего 357 номеров, каждый номер в отдельной обложке, оформление очень пышное, есть книги с картинками… <…> Я установил, что в половине книг говорится об исторических событиях, географии, вооружении, арифметике их страны, в двадцати процентах – о медицине, разведении сельскохозяйственных культур и толковании слов, а вот таким предметам, как вероисповедание или стихи и проза, отдано всего десять процентов»[63]. Поскольку умеющих читать по-

[63] *Гэ Бао-цюань*. Тань Чжун Э вэньцзы чжи цзяо (Об обмене документами между Китаем и Россией). С. 549.

русски в то время было мало, эти книги были переданы на хранение в Палату по делам инородцев, а затем перемещены в Стратегическую палату и канцелярию премьер-министра.

Храм Юнхэгун в Пекине

На раннем этапе развития культурного обмена между Россией и Китаем помимо православной церкви действовали и другие учреждения. Во-первых, это Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге, которая не только непосредственно управляла Азиатским музеем, но и курировала работу Русской духовной миссии в Пекине и восточного факультета Казанского университета. Во-вторых, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, который был создан по постановлению двенадцатой Международной конференции востоковедов, состоявшейся в 1899 году в Риме, и координировался Россией. Его задачей было изучение истории, археологии, лингвистики и этнологии Средней и Восточной Азии, но фактически он занимался в основном исследованием Северо-Западного Китая. Комитет формировался из представителей Академии наук, Русского археологического общества, Русского географического общества, Министерства императорского двора, Министерства иностранных дел, Военного министерства, Министерства финансов и Министерства народного просвещения. В-третьих, это исследовательские институты (кафедры) при восточных факультетах университетов, таких как Казанский университет, где в 1837 году была создана кафедра китайской словесности, Санкт-Петербургский университет, где в 1855 году был учрежден факультет восточных языков и при нем кафедра китайской и маньчжурской словесности, и Восточный институт, основанный в 1898 году во Владивостоке[64].

3.2. Произведения китайской литературы, переведенные и хранящиеся в России

Хотя в России и рано обратили внимание на китайскую литературу, за весь XVIII век было сделано лишь несколько переводов. Даже в XIX веке их насчитывалось только пятьдесят, из них тридцать два были собственно переводы, а восемнадцать – обзорные статьи и другие

[64] Э Су Чжунгосюэ шоуцэ (Справочник по российскому и советскому китаеведению). Т. 1. С. 103–106.

труды[65]. Среди переведенных произведений известны опубликованный в 1827 году фрагмент романа «Юй, Цзяо, Ли», появившийся в 1832 году отрывок из «Хао цю чжуань» («Счастливый брак»), увидевшая свет в 1843 году первая глава из «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»), напечатанная в 1847 году «Пипа цзи» («Лютня»). Остальное по большей части составляли стихи, анекдоты, народные легенды и предания. Лишь во второй половине XIX века появились истории из знаменитого классического сборника «Ляо Чжай чжи и» («Рассказы Ляо Чжая о необычайном»): «Шуйман цао» («Ядовитая трава»), «А-бао», «Гэн-нян», «Цзэн Юю» и «Мао ху» («Мохнатая лисица») в переводе В. П. Васильева. Среди китайских стихов в русском переводе увидели свет такие известные произведения, как «Тэн ван гэ сюй» («Повествование о палатах Тэнского вана») Ван Бо. Многие из этих произведений были переведены опосредованно, с европейских языков: «Юй, Цзяо, Ли» – с французского, а роман «Хао цю чжуань» сначала был переведен на английский, с английского – на французский, а уже с французского – на русский. Можно заметить, что круг китайской литературы, бытовавшей в России в XIX веке, был все еще весьма ограничен.

С китайскими произведениями русского читателя знакомили также специализированные обзоры. К примеру, «Известия Императорского Русского географического общества» в 1868–1872 годах регулярно включали рубрику «Новости китайской литературы», а «Восточное обозрение» в шестом номере за 1890 год выпустило заметку о лекции А. О. Ивановского «Изящная словесность у китайцев, их повесть, роман и драма», прочитанной в Музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Даже небольшие публикации в периодических изданиях способствовали распространению китайской литературы, а более крупные сочинения, подобные «Поездке в Китай» А. И. Кованько, напечатанной в 1841–1843 годах в журнале «Отечественные записки», привлекали внимание таких именитых литераторов, как В. Г. Белинский.

Очень важной частью исследовательской работы стало собирание книг. В 1727 году российское правительство отправило Л. Ланга в Китай, откуда он привез восемь папок и 82 тетради книг на китайском и маньчжурском языках. То была первая партия китайских книг в библиотеке Российской академии наук. Позднее это книгохранилище превратилось во всемирно известную китаеведческую библиотеку – Китайский отдел Азиатского музея (ныне Институт восточных рукописей РАН).

Книги, попадавшие в Россию, главным образом приобретали члены духовных и дипломатических миссий. Например, в «Записке о восточных книгах в С.-Петербургском университете» В. П. Васильев не без гордости упоминал, что коллекция библиотеки содержит все книги, изданные и написанные на маньчжурском языке, поскольку «в последнее время изучение маньчжурского языка в такой степени ослабло в столице маньчжурской династии, что китайские книгопродавцы, не находя сбыта маньчжурским книгам, стали было употреблять их на подклейку китайских»[66]. Это, конечно, облегчило Васильеву поиски книг. Научный сотрудник тринадцатой Русской духовной миссии К. А. Скачков, некогда бывший консулом в Тяньцзине и Чугучаке и открытых портах, трижды собирал в Китае разнообразные информационные материалы. Богатая коллекция добытых им редких китайских книг была лучшей в России того времени, в нее входило в том числе значительное количество официальных документов, дневников и рукописей (ныне они хранятся в Российской государственной библиотеке). Помимо этого, университеты специально посылали людей в Китай закупать книги. В 1898 году, во время создания Восточного института во Владивостоке, А. В. Рудаков (1871–1949) и П. П. Шмидт (1869–1938) отправились в Китай для приобретения значительного количества литературы.

[65] *Скачков П. Е.* Библиография Китая. С. 497–552.

[66] *Васильев В. П.* Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. XI. С. 319.

«Шифровый каталог китайских книг библиотеки Восточного института», составленный профессором Е. Г. Спальвиным (1872–1933), демонстрирует все богатство данной коллекции.

Благодаря усилиям сотрудников различных организаций, среди большого количества китайских книг, полученных Россией в XVIII–XX веках, оказалось немало редких и ценных изданий, в том числе уникальные экземпляры, утерянные в самом Китае.

Глава 3. Книги эпохи Цин, списки которых попали в Россию

Когда между Китаем и Россией установились официальные контакты, последняя стала придавать большое значение собиранию китайских книг. В XVIII–XIX веках – середина и конец правления династии Цин – в России оказалось множество старинных изданий, в том числе уникальных. Среди подобных рукописей, обнаружение которых и поныне вызывает изумление в китайских научных кругах, особое место занимают романы «Ши тоу цзи»[67] и «Гу ван янь»[68].

1. Редкий список «Ши тоу цзи»

В 1964 году советские китаеведы Л. Н. Меньшиков (1926–2005) и Б. Л. Рифтин в совместной статье «Неизвестный список романа “Сон в красном тереме”» обнародовали новость о том, что в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР хранится цинская рукопись «Ши тоу цзи» («Записки о камне»), что привлекло внимание международного сообщества хунлоумэноведов[69].

Л. Н. Меньшиков

В декабре 1984 года Институт «Хун лоу мэн» при Китайской академии искусств направил в СССР трех специалистов – Фэн Ци-юна (1924–2017), Ли Каня (1922–2010) и Чжоу Жучана (1918–2012) для исследования этого списка и снятия с него факсимиле. В 1986 году оно было напечатано издательством «Чжунхуа шуцзюй» под названием «Сулянь Ленингэлэ цан “Шитоу цзи”» («“Записки о камне”, хранящиеся в Ленинграде, СССР») в шести томах. Изданию предшествовало предисловие, где указывалось следующее:

---

[67] «Ши тоу цзи» («Записки о камне») – первые восемьдесят глав романа «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»), написанные Цао Сюэ-цинем и изданные им незадолго до смерти в 1763 году. Остальные сорок глав были дописаны и опубликованы через тридцать лет писателем и издателем Гао Э (1758–1815); предполагается, что он выполнил волю Цао Сюэ-циня по завершению повествования.

[68] «Гу ван янь» («Хотите – верьте, хотите – нет») – многоглавный роман цинского писателя Цао Цюй-цзина (вт. пол. XVII – пер. пол. XVIII в.).

[69] Хунлоумэноведение (*хунлоусюэ*) – устойчивый термин для обозначения отдельной отрасли китайской науки, занимающейся изысканиями, связанными с романом Цао Сюэ-циня «Хун лоу мэн».

> В данном списке «Ши тоу цзи» 35 тетрадей с прошивной брошюровкой. Для списка использовалась обычная бумага из бамбукового волокна эпохи Цин, светло-бежевая, однако качество ее неудовлетворительное: она недостаточно тонкая и чистая. По сравнению с бумагой, использованной в списках романа годов под циклическими знаками *цзя-сюй, цзи-мао* и *гэн-чэнь* девиза правления Цянь-лун[70], она кажется более новой, но качество ее все же грубовато.
>
> Данный список основан на тексте, принадлежавшем Чжияньчжаю[71] и с его заметками, в этом нет сомнений.

Предисловие утверждает:

> Что касается датировки, то этот список, по всей видимости, появился не ранее последнего десятилетия правления под девизом Цянь-лун и не позднее первого десятилетия правления под девизом Дао-гуан[72]. Вероятнее всего, рукопись следует датировать периодом правления под девизом Цзя-цин[73].

Известно, что при создании «Ши тоу цзи» Цао Сюэ-цинь отнюдь не следовал поглавному делению книги, а сначала написал весь текст и уже после разделил его на главы. В предисловии отмечается:

> Данный список основывается на старой версии списка Чжияньчжая и частично еще сохраняет первоначальный вид, когда не было деления на главы. Хотя основной текст списка изобилует лакунами, очень многое можно сопоставить с другими списками, восходящими к Чжияньчжаю, и восполнить имеющиеся в этих списках неточности и ошибки – вот отчего он чрезвычайно ценен.

Предисловие превозносит значение вновь обнаруженного списка:

> Списки «Ши тоу цзи» стали обнаруживаться начиная с 1920-х годов снова и снова, так что к настоящему времени их общим счетом одиннадцать (список Цзин Ин-куня (?–1983) был обнаружен и вновь пропал, так что мы его не считаем). Данный список в 1832 году был вывезен в российскую столицу, с тех пор прошло 154 года – и вот он возвратился на родину. Поистине, это грандиозное событие в хунлоумэноведении и захватывающая история в советско-китайском культурном обмене!

1.1. Как список попал в Россию

На основании того, что сказано в статье обнаруживших этот список Л. Н. Меньшикова и Б. Л. Рифтина, можно выделить несколько моментов.

---

[70] Здесь списки романа датируются согласно традиционной китайской системе летоисчисления; годам *цзя-сюй, цзи-мао* и *гэн-чэнь* в указанный период соответствуют 1754, 1759 и 1760 годы. Под девизом правления Цянь-лун в 1736–1796 годах царствовал Айсиньгёро Хун-ли (1711–1799) из династии Цин. – *Примеч. ред.*

[71] Чжияньчжай («Кабинет “Коробочка для румян”») – по-видимому, название кабинета человека, к Цао Сюэ-циню достаточно близкого, имя которого не сохранилось. В настоящее время термин «Чжияньчжай» используется для обозначения списков романа Цао Сюэ-циня, восходящих к экземпляру этого неизвестного, который снабдил текст многочисленными ценными пометками, дополнениями и комментариями.

[72] Под девизом Дао-гуан в 1820–1850 годах правил цинский Айсиньгёро Мянь-нин (1782–1850). – *Примеч. ред.*

[73] Под девизом правления Цзя-цин в 1796–1820 царствовал седьмой цинский император Айсиньгёро Юн-янь (1760–1820). – *Примеч. ред.*

Во-первых, примем во внимание те исторические обстоятельства, при которых список попал в Россию. Каждая прибывающая в Пекин духовная миссия по распоряжению российского правительства закупала большое количество книг для нужд нескольких библиотек. Среди добытых изданий «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме») занимал важное место: согласно статистике советской эпохи, в разных библиотеках хранилось более шестидесяти ксилографических копий романа и его продолжений, а также старых произведений, написанных по его мотивам. Естественно, что среди этих ксилографов оказались и редкие экземпляры.

Б. Л. Рифтин

Во-вторых, миссионерам нравился «Хун лоу мэн», они часто использовали роман как пособие для изучения китайского языка и понимания китайского общества. Особой страстью к «Хун лоу мэн» отличался ученик прибывшей в Пекин в 1830 году одиннадцатой духовной миссии А. И. Кованько. Меньшиков и Рифтин отмечают:

> А. И. Кованько – горный инженер, прибывший в Китай с целью изучения геологии страны и проведения «геомагнитных наблюдений». Для того чтобы выполнить эту работу, сначала следовало овладеть китайским языком. Впоследствии он написал: «Нужно было как можно быстрее выучить разговорный язык, но возможности частого общения с китайцами у меня не было, и тогда, чтобы выучить китайский, я начал читать “Хун лоу мэн” (“Сон в красном тереме”). Эта книга точно соответствовала моим чаяниям, поскольку написана на настоящем разговорном языке». А. И. Кованько сделал самый правильный выбор: язык «Хун лоу мэн» действительно изящный и живой. Также Кованько полагал, что это произведение до мельчайших деталей описывает повседневную жизнь той эпохи и достойно называться энциклопедией китайской жизни. В докладе директору Горного департамента он писал: «Я поглощен основными курсами (то есть горным делом, сельским хозяйством и промышленностью. – *Примеч. авт.*), но имею также и глубокий интерес к обычаям и привычкам китайцев. Чтобы глубже разобраться в них, я прочитал роман “Хун лоу мэн”. Семейная жизнь китайцев, торжества и празднества, свадьбы и похороны, развлечения и увеселения, злоупотребления чиновников, хитрости служанок, алчность и распутство китайцев (имеется в виду аристократическая бюрократия того времени. – *Примеч. авт.*), а также та помпезность, с которой мать встречает дочь, ставшую императорской наложницей, – все это с полным правдоподобием описано в данной книге. Церемония встречи дочери на самом деле комическая. За несколько часов

> до встречи для прибывающей в родительский дом дочери срочно нужно построить беседки и павильоны, а еще необходимо, чтобы вокруг текла-журчала вода – словом, прием должен быть роскошным. Мать же должна встречать дочь, стоя на коленях, а потом еще в специально отведенной для этого комнате кланяться ей в ноги. И лишь когда дочь войдет в личную комнату матери, она сама может отдать поклон матери как обычный ребенок своей родительнице при встрече. Отец же, желая согнуться в поклоне перед дочерью, при этом не должен ее видеть даже одним глазком, поэтому ему только и остается что гнуть спину перед занавеской, за которой в комнате находится его дочь… Если эту книгу перевести на русский язык, то тем, кто хочет узнать о китайских обычаях или желает выучить китайский язык, выйдет немалая польза». К сожалению, его рекомендация не нашла никакого отклика. Несмотря на это, А. И. Кованько сделал все, что мог, дабы представить некоторые фрагменты романа русскому читателю. После возвращения на родину в 1836 году он под псевдонимом Дэ Мин написал десять эссе с общим названием «Поездка в Китай», которые в 1841–1843 годах были опубликованы в крупном русском журнале «Отечественные записки» и снискали похвалу В. Г. Белинского. Десятое эссе знакомило читателя с китайским образованием и системой экзаменов на должность, а к девятому эссе А. И. Кованько дал в качестве приложения собственный перевод первой половины первой главы из «Хун лоу мэн».

В-третьих, данный список «Ши тоу цзи» привез в Россию другой член одиннадцатой миссии П. Курляндцев (XIX в.), как и А. И. Кованько, заинтересовавшийся романом. Это уникальное издание хранилось в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук. Именно оно впоследствии и было фототипировано китайскими и российскими учеными.

1.2. Где хранился и как был обнаружен список

Л. Н. Меньшиков и Б. Л. Рифтин всесторонне исследовали список. Основываясь на двух неуклюже написанных на второй странице обложки иероглифах «хун» (#; очевидно, китайская фамилия Курляндцева), они указывали, что Курляндцев приобрел этот список, вероятнее всего, в 1830–1832 годах в Пекине. Однако оставался важный вопрос: как список был привезен из Пекина и каким образом попал в Азиатский музей (позднее переименован в Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук, еще позднее – в Институт восточных рукописей).

Судя по каталогу и каталожному номеру, список хранился именно в Азиатском музее. За это время прошло три инвентаризации, однако вплоть до начала 1960-х годов список не привлекал ничьего внимания. Лишь в 1962 году Б. Л. Рифтин, изучая хранившиеся в книжном фонде сборники простонародной прозы, наконец-то заметил список «Ши тоу цзи». Вскоре они с Л. Н. Меньшиковым, который перевел стихотворную часть в русскоязычном издании «Хун лоу мэн», объявили об этом открытии. Суммировав результаты собственных исследований, а также исследований многих российских и зарубежных китаеведов, они признали, что ленинградский список «Ши тоу цзи» – наиболее полный из всех ранних списков, отредактированный и подготовленный к печати.

Что касается П. Курляндцева, в свое время раздобывшего этот список, то Меньшиков и Рифтин пишут о нем следующее:

> Мы мало что знаем о П. Курляндцеве. Известно только, что в 1830 году он отправился в Пекин с одиннадцатой духовной миссией, но не прошло и

двух лет, как по болезни он вернулся на родину, предположительно из-за раздора с главой духовной миссии В. Морачевичем (?–1853?). Документы из Ленинградского центрального государственного исторического архива свидетельствуют, что в письме начальника Азиатского департамента к инспектору Департамента народного образования по Петербургу от 6 июня 1829 года говорится, что в состав Русской духовной миссии, предстоящей к отправке в Пекин в 1830 году, предполагалось включить пять учеников, чьей задачей будет добросовестно изучить китайский, маньчжурский и монгольский языки. Начальник Азиатского департамента сообщал, что четыре человека уже отобраны, и просил инспектора народного образования найти еще одного молодого человека, всей душой преданного делу и желающего провести в столице мирного и процветающего Китая десять лет в научных изысканиях, дабы тем послужить Родине. Узнав об этом, студент второго курса историко-филологического факультета Петербургского университета П. Курляндцев подал ходатайство, прося присоединить его к духовной миссии в качестве ученика. В Петербургском университете Курляндцев изучал ближневосточные языки, был студентом специалиста-лингвиста Ф. Б. Грефе (1780–1851), а также известного писателя и знатока ближневосточных языков О. И. Сенковского. Последний сообщил инспектору народного образования, что у Курляндцева большие способности к языкам: он свободно владел латынью и французским, менее чем за три года добился блестящих результатов в арабском и персидском языках, а также начал учить турецкий. По всем прочим предметам Курляндцев превосходил остальных студентов.

2. Где хранилась и как была найдена рукопись романа «Гу ван янь»

2.1. Обнаружение рукописи

После работы со списком «Ши тоу цзи» в Ленинграде Б. Л. Рифтин продолжил поиск старинных китайских изданий в московских библиотеках. В один прекрасный день 1964 года в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека) он неожиданно обнаружил список романа «Гу ван янь» («Хотите – верьте, хотите – нет»), хранившийся в коллекции К. А. Скачкова.

К. А. Скачков в 1844 году окончил физико-математический факультет Ришельевского лицея в Одессе и в 1848 году был отправлен из России в Китай для устроения обсерватории в Пекинской духовной миссии. Интерес его к книгам был самый широкий – он покупал книги по астрономии, географии, ирригации, а также литературные произведения, книги по религии, истории, экономике, лингвистике, философии и этнографии, особое внимание уделяя приобретению исторических карт, к примеру, карты тангутского государства Западное Ся (1038–1227), нарисованной в эпоху Сун, или различных карт эпохи Цин вроде карт XVIII века провинции Хубэй, округа Цзядин, Тайваня и сравнительно подробной ранней карты Тайнаня. Кроме того, он купил несколько книг, принадлежавших известным библиофилам, к примеру, книги и рукописи, которые хранились у знаменитого географа Сюй Суна (1781–1848) с его владельческими печатями, или же раритеты из собрания известного цинского ученого Яо Вэньтяня (1758–1827).

Свою коллекцию Скачков собирал в основном в 1848–1859 годах в Пекине. После того как он вернулся на родину, Министерство иностранных дел вновь послало его в Синьцзян консулом в Тарбагатай. Там Скачков сосредоточил особое внимание на исторических материалах, приобрел немало старых изданий, к нему в том числе попали 34 рукописи по истории Синьцзяна (больше половины из них никогда не печатались) и одиннадцать неопубликованных карт этого же региона. В 1863 году Скачков приехал в Россию, собрав более полутора тысяч китайских печатных и рукописных сочинений.

В 1873 году крупный купец из Иркутска А. Л. Родионов (XIX в.) заявил, что если правительство наградит его медалью, он согласится оплатить коллекцию К. А. Скачкова и пожертвовать ее Румянцевскому музею в Москве – предшественнику Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

В 1873 году китайские книги К. А. Скачкова были официально переданы в библиотеку, и в течение многих лет после этого никто так и не переоформил их каталог (существовали лишь собственные библиографические карточки Скачкова). В 1914 и 1925 годах для знакомства с коллекцией в Москву приезжали японский китаевед Ханэда Тору (1882–1955) и французский ученый П. Пеллио (1878–1945), однако ни тот, ни другой, похоже, не обратили внимания на рукопись «Гу ван янь». Оба они были историки, их интересовали собранные Скачковым исторические материалы. Доктор Ханэда исследовал эпоху Юань и воспользовался материалами, скопированными Скачковым из «Юн-лэ да дянь»[74]. Профессор Пеллио в 1932 году в томе 29 издающегося в Голландии журнала “T’oung Pao” опубликовал статью, где отдельно описал некоторые рукописные исторические материалы из этой коллекции.

В 1937 году Государственная библиотека им. В. И. Ленина пригласила китаеведа из Эрмитажа В. Н. Казина (1907–1942) систематизировать коллекцию К. А. Скачкова. Он внес многочисленные исправления в составленный самим Скачковым каталог, однако с началом Второй мировой войны работа прервалась. Двадцать лет спустя библиотека попросила синолога А. И. Мелналксниса (1905–1990), работавшего в Институте востоковедения, привести в порядок собрание Скачкова и создать его каталог.

В 1964 году Б. Л. Рифтин отправился в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина для ознакомления с китайскими рукописями. А. И. Мелналкснис, зная, что Рифтин специализируется на литературе Китая, вынес ему из хранилища несколько рукописных произведений, добавив, что сам он литературой не занимается и не в состоянии понять, что это за тексты. Среди этих сочинений как раз и оказался роман «Гу ван янь» в 24 цзюанях[75].

К. А. Скачков собрал большое количество разных литературных произведений. Что касается сюжетной прозы, то, помимо четырех шедевров китайской литературы[76], в его коллекции были достаточно редкие произведения, не числящиеся в «Чжунго тунсу сяошо шуму» («Каталог китайской простонародной прозы») Сунь Кай-ди (1898–1986) и в «Цзэнбу Чжунго тунсу сяошо шуму» («Дополненное издание каталога китайской простонародной прозы») Оцука Хидэтака (р. 1949). К таким уникальным экземплярам можно отнести «Сюсян фэйлун цюаньчжуань» («Полная история вышитых на ткани летящих драконов») из хранилища Саньхуайтан и «Цзэндин цзинчжун яньи» («Повесть о верности, исправленная и дополненная») из библиотеки Кун Гэна, а также нечасто встречающиеся за пределами Китая издания «Сань фэнь

[74] «Юн-лэ да дянь» («Большое собрание годов Юн-лэ») – наиболее крупное по объему письменное собрание в истории китайской культуры. Представляло собой свод всех известных на то время сочинений в самых разных областях (конфуцианство, даосизм, буддизм, история, философия, астрономия, география, медицина и т. д.). Датой окончания работы над «Юн-лэ да дянь» считается 1408 год. Однако позднее его оригинал был утрачен, к концу XIX века сохранилось лишь шестьсот томов.

[75] Цзюань (досл. «свиток») – основная единица номенклатуры старого китайского текста, ближайший привычный нам аналог – «часть».

[76] Четырьмя шедеврами китайской литературы называют наиболее известные многоглавные романы «Саньго яньи» («Троецарствие»), «Шуй ху чжуань» («Речные заводи»), «Си ю цзи» («Путешествие на Запад») и «Хун лоу мэн» («Сон в красном тереме»). – *Примеч. ред.*

мэн цюаньчжуань» («Полная история трех разделенных снов») 1835 года, «Хай гун дахунпао цюаньчжуань» («Полная история большого красного халата господина Хая») 1833 года и «Юйлэ синму бянь» («Главы, раскрывающие глаза на увеселения») 1852 года. Большинство книг, которые приобрел Скачков, относились к сюжетной прозе, ксилографически отпечатанной в годы правления императора Дао-гуана. Возможно, он пытался собрать как можно больше именно прозаических сочинений, потому и «Гу ван янь» в рукописи заполучил вовсе не случайно (все прочие романы – ксилографы).

2.2. Знакомство с «Гу ван янь»

«Гу ван янь» («Хотите – верьте, хотите – нет») – многоглавный роман, написанный саньханьским Цао Цюй-цзином. Сохранилось авторское предисловие 1730 года; разметку текста, состоящего из 24 цзюаней, выполнил Линь Чунь-вэн (XVIII в.). В свое время Б. Л. Рифтин проверил роман по «Чжунго тунсу сяошо шуму» («Каталог китайской простонародной прозы») Сунь Кай-ди и по другим книгам, но такого сочинения не нашел. Переписываясь с Сунь Кай-ди, он упомянул «Гу ван янь», однако Сунь Кай-ди ответил, что подобной книги еще не видел, и предположил, что она написана корейцем по-китайски. На самом деле Саньхань – это китайский уезд, в цинское время находившийся в провинции Жэхэ, и автор «Гу ван янь» был родом именно из этого уезда[77]. Рифтин рассказывал, что много лет не мог найти никаких материалов о Цао Цюй-цзине и о его романе.

В 1966 году в журнале «Народы Азии и Африки» Рифтин опубликовал большую статью «Дополнения к китайским каталогам литературных жанров (по данным крупнейших библиотек СССР)», где впервые упомянул об обнаруженной рукописи «Гу ван янь».

В 1974 году московское издательство «Наука» выпустило подготовленное А. И. Мелналкснисом «Описание китайских рукописных книг и карт из собрания К. А. Скачкова», в котором содержались подробные сведения о 333 рукописях, нарисованных от руки картах и произведениях жанровой живописи из данной коллекции. Применительно к роману «Гу ван янь» отмечалось следующее: рукопись была сделана несколькими переписчиками, и кто-то из них писал уставным письмом, а кто-то скорописью; вторая и двадцать первая цзюань имеют личные печати китайских коллекционеров; перечислялось также количество страниц в каждой тетради с указанием отсутствующих (к примеру, в восьмой тетради не было семнадцатой и восемнадцатой страниц, из одной тетради оказался вырван кусок). К сожалению, составленный Мелналкснисом каталог прошел не особо замеченным, в СССР им пользовались очень мало, а китайские ученые, по всей вероятности, и вовсе упустили его из виду. В китайском переводе он был опубликован только в 2010 году издательством «Гоцзя тушугуань чубаньшэ».

В 1984 году профессор Оцука Хидэтака напечатал «Цзэнбу Чжунго тунсу сяошо шуму» («Дополненное издание каталога китайской простонародной прозы»), где значился роман «Гу ван янь» в неизвестном количестве цзюаней из коллекции библиофила Чжоу Юэжаня (1885–1962). Этот экземпляр, созданный на простой бумаге, отличался хорошим качеством, однако был неполным: в нем сохранились лишь главы с сороковой по сорок вторую. Его дальнейшая судьба неизвестна, но в 1990 году пекинский специалист У Сяо-лин (1914–1995) и работавший в Париже Чэнь Цин-хао (р. 1941) сообщили Б. Л. Рифтину, что Шанхайское научное общество располагало стереотипным оттиском данной рукописи. Чэнь Цин-хао из опубликованной Рифтиным в 1966 году статьи уже знал, что тот обнаружил в Москве более полный старый список «Гу ван янь». Выпущенный в 1990 году «Чжунго тунсу сяошо цзунму тияо» («Аннотированный генеральный каталог китайской простонародной прозы») сообщал

[77] Путаница возникла из-за иероглифа «хань» (#). Ханьго (##) – Корея (сейчас Южная Корея), название же уезда Саньхань (##) также включает этот иероглиф, что и дало Сунь Кай-ди основание подозревать в авторстве корейца.

об упомянутом оттиске, основываясь на «Губэнь сяошо ши чжун» («Десять уникальных экземпляров сюжетной прозы») Чжоу Юэ-жаня; сам оттиск создатели каталога не видели. И только в «Чжунго гудай сяошо байкэ цюаньшу» («Энциклопедия старой китайской сюжетной прозы»), вышедшей в 1993 году в Пекине, впервые были описаны содержание дефектной рукописи и общий замысел. Здесь же высказывалось подозрение, что это произведение конца эпохи Мин – начала Цин, однако составители отметили, что данное сочинение не числится ни в цинских каталогах запрещенных книг, ни в частных библиографиях, потому определить точное время создания и имя автора невозможно. Также составители указали, что в Москве хранится полная рукопись романа, но они не были знакомы со статьей Рифтина и не знали, что в этом списке имеется имя автора и его предисловие 1730 года.

В период с 1989 по 1991 год Б. Л. Рифтин в Пекине вел переговоры с Чэнь Цин-хао и литературоведом Лю Ши-дэ (р. 1932) о факсимильном издании «Гу ван янь». В 1992 году, когда Рифтин преподавал на Тайване, профессор университета Цинхуа Ван Цю-гуй также поднял вопрос о публикации списка. Годом позже директор Российской государственной библиотеки отправился на Тайвань для участия в праздновании дня основания Центральной библиотеки, и Ван Цю-гуй и Рифтин воспользовались этим случаем для того, чтобы договориться с ним об издании «Гу ван янь» в книжной серии «Сыусе хуэйбао» («Собрание драгоценностей, очищающих разум от умысла»).

Так через 150 лет после того, как русский исследователь К. А. Скачков собрал коллекцию старинных китайских книг, роман «Гу ван янь» впервые увидел свет в Китае; это была также первая книга, изданная совместно Тайванем и Россией[78].

[78] *Рифтин Б. Л.* Гу ван янь сяошо чаобэнь чжи фасянь (Находка рукописи романа «Гу ван янь») // Гу ван янь. Тайбэй: Тайвань Даин байкэ гуфэнь юсянь гунсы, 1997. (Серия «Сыусе хуэйбао», вып. 45).

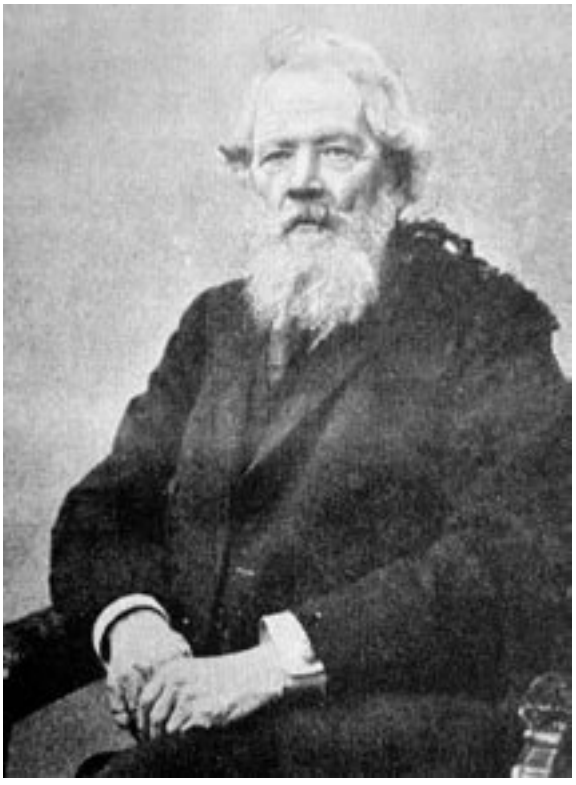
Глава 4. История китайской литературы, составленная В. П. Васильевым

В 1837 году на восточном факультете Казанского университета была учреждена кафедра китайской словесности, что явилось эпохальным событием в истории русского китаеведения. Это ознаменовало собой две тенденции: перемещение научного центра из Пекинской духовной миссии в пределы России и передачу специального образования от отдельных синологов (И. К. Россохин, Н. Я. Бичурин и др.) к высшим учебным заведениям, что наконец-то дало китаеведам возможность проходить университетскую исследовательскую подготовку. Российские университеты первыми в мире начали создавать курсы китайской литературы, и выдающимся представителем этого направления стал В. П. Васильев.

1. В. П. Васильев

Образовательно-исследовательский центр китаеведения был окончательно сформирован 6 января 1851 года, когда В. П. Васильева пригласили на службу в Казанский университет в качестве профессора китайского и маньчжурского языков.

В. П. Васильев в 1837 году окончил восточное отделение историко-филологического факультета Казанского университета, три года спустя приехал в Пекин в качестве ученика двенадцатой православной миссии и оставался там десять лет. Он изучил китайский, маньчжурский, монгольский и тибетский языки, а кроме того, в совершенстве овладел японским, корейским, тюркскими языками и санскритом, познания его были чрезвычайно обширны, а научные интересы широки. С 1851 года в общей сложности пятьдесят лет Васильев преподавал в Казанском и Санкт-Петербургском университетах и обучил большое количество специалистов.



В. П. Васильев

Васильев исследовал восточную историю, религию, географию, литературу, опубликовал несколько десятков переводов, в его архиве осталось множество рукописей. К основным трудам ученого можно отнести следующие: «Буддизм, его догматы, история и литература», «История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчжэнях и монголо-татарах», «Религии Востока: конфуцианство, буддизм, даосизм» и «Очерк истории китайской литературы». Достижения Васильева были столь известны, что в 1866 году он был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук, а в 1886 году стал первым в истории России академиком, специализирующимся на исследовании китайской литературы.

Будучи в Пекине, В. П. Васильев начал интересоваться китайской литературой, сделал все возможное, чтобы приобрести самые разные книги, и, покупая каждую из них, всегда внимательно ее прочитывал. На родину он привез 849 книг на китайском, маньчжурском, тибетском и монгольском языках, в общей сложности в 2737 томах, и по возвращении начал читать курс истории китайской литературы.

2. «Очерк истории китайской литературы»

«Очерк истории китайской литературы» (далее просто «Очерк»), изданный в 1880 году, разделен на три части: первая и вторая отданы классическим конфуцианским, буддийским и даосским текстам, а также книгам по сельскому хозяйству и военному делу; третья часть – это поэзия, проза и драма. С современной точки зрения «Очерк» больше похож на историю культуры и основополагающих древних сочинений Китая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.